

Инна Баринская

*Детский
символ
страстей*

ЭКСПО

Поджигательница
Звезд

Инна Юрьевна Бачинская
Поджигательница звезд
Серия «Дикие лебеди», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6191529
Бачинская И. Ю. Поджигательница звезд : роман : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67228-8

Аннотация

Голос у нее не изменился, и Шибаева точно током прошибло. Кристина, школьная подружка, первая любовь, первый поцелуй, первая женщина... По ее просьбе он начал расследовать убийство, совершенное много лет назад: собираясь посадить на даче кусты сирени, Кристина обнаружила в земле скелет, как позднее установила полиция, женский... Когда-то дача принадлежала генералу Савенко. Соседи вспомнили: однажды он появился там – естественно, в отсутствие супруги – с загадочной женщиной в белом, и больше ее никто никогда не встречал... После гибели генерала его жена умерла, а дочь Людмила вышла замуж, эмигрировав в Америку, и никого из семьи не осталось. Но вот что странно – жениха Людмилы никто не видел, все решилось в считанные дни, ее документы из института забрала подруга. Создавалось впечатление, будто девушка просто исчезла...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Поджигательница звезд

*Не уделяй мне много времени,
вопросов мне не задавай.
Глазами добрыми и верными
руки моей не задевай.*

*Не проходи весной по лужицам
по следу следа моего.
Я знаю – снова не получится
из этой встречи ничего...*

Белла Ахмадулина

*Действующие лица и события романа вымышлены, сходство их
с реальными лицами и событиями случайно и непреднамеренно.
Автор*

Глава 1

Девочка из прошлого

Голос у нее не изменился, и Шibaева точно током прошибло. Голос был таким же негромким, мягким, с вопросительной неуверенной интонацией в конце фразы, ее особенным «маленьким» звучком, чем-то средним между «mmm» и «nnn» – в языке и звука такого нет! Как будто она заранее извинялась и просила прощения за неважность и незначительность того, что сказала. Считается, что голос и манера высказываться выдают характер. Это иногда справедливо, иногда нет. В случае Кристины это справедливо. Характер у нее был легкий, летящий. Шibaев помнил ее улыбку – не просто улыбку, а постоянную готовность улыбнуться, – уголки губ ее были вздернуты кверху, и ей просто не оставалось ничего другого, как улыбаться. Прямые светлые волосы, несколько конопушек на носу, светло-карие глаза и улыбка – это Кристина, школьная подружка Шibaева, первая любовь, первый поцелуй, первая женщина. Танцующая походка, танцующая речь.

Она назвала его полузабытым прозвищем, и в нем встрепенулось умиленное чувство возвращения, он снова был молодым, нетерпеливым и радостным щенком, бегущим на свидание.

– Ши-Бон, мы же не виделись целую вечность! – сказала она. – Я ничего о тебе не знаю. Как ты?

– Нормально, – ответил он. – У меня все нормально. А ты как?

– Тоже нормально. Встретила Славика Корниенко, вспомнили ребят, школу. Он сказал, где тебя искать. Знаешь, я еще подумала, что это именно для тебя. Ты вечно читал детективы. Я даже помню... Чейз, кажется? Ты говорил, это самый крутой мужик... Помнишь? Ты до сих пор так считаешь?

Шibaев не знал, как он теперь относится к Чейзу. Как-то не задумывался, не было времени, да и желания, если честно. Полицейские не читают детективов, они их раздражают. У них появляется желание сесть и написать автору все, что они думают о нем и его гребан-

ном, дилетантском, идиотском детективном романе. Но, как говорят, сделайте лучше, если сможете.

– Ты, наверное, мог бы и сам написать... – сказала она.

Шибает хмыкнул и промолчал, не сообразив, что ответить. Он отвык от ее легкости, он вообще отвык разговаривать с женщинами. Даже его друг-коллега адвокат Алик Дрючин, совладелец «конторы» по адвокатско-детективным услугам, заметил трудности Шибаета и определил это отсутствием практики и «общим забурением». Сам Алик был всегда готов ухаживать, волочиться, таскаться, трепаться без умолку и испытывать состояние «на рауше» при виде любой! Повторяем: любой! – женщины. Так он был устроен. И его частые женитьбы, и скоротечные романы, и беспредметные флирты с женщинами на улице, в городском транспорте и кафе, никуда не ведущие, а предпринимаемые исключительно для разгонки крови и поддержания формы, были в его характере и устройстве. Такой у него *психотип*. Любимое, кстати, словечко адвоката.

– Ты что, всем им вешаешь одно и то же? – как-то спросил Шибает.

– Ну! – ответил Алик. – Это как с новогодними открытками – я всегда покупаю одинаковые. Помнишь Светку? Она выбирала разные, торчала у прилавка, рассматривала, требовала у меня совета. Ужас!

Света – это последняя любимая женщина Алика. Не в смысле последняя вообще, а последняя *из*. Сначала была любовь, потом возник целый ряд претензий. Корова, домашняя курица, копуша, без полета. Это значит, что Света не готова выслушивать треп любимого человека ночи напролет, когда на него накатывает после бутылки коньяку или водки, включая чтение стихов, причем всегда одних и тех же. Она хотела спать. Или хотя бы разных стихов. Как и открыток!

– Она покупает разные! – с содроганием говорил Алик, который хватал первые попавшиеся и одинаковые. – Какая разница! Это же все равно разным людям!

Странно устроен человек, странные у него иногда случаются привычки, пристрастия, симпатии и антипатии. Муха в стакане его не трогает, из-за чего крик, а открытки доводят до белого каления.

– Ты женат? – спросила Кристина.

– Был. А ты?

– У меня муж, детей нет...

Ему показалось, она вздохнула.

– Может... пересечемся? – спросил он.

Их школьное словечко вырвалось нечаянно, он давно уже не говорил так.

– Конечно! – обрадовалась она. – Когда? Ты сейчас свободен? Может...

– Свободен! Для тебя я всегда свободен! – сказал и поморщился, вспомнил Алика, всегда готового к забегу.

Они встретились через полчаса в «Белой сове». Шибает пришел первым. Не столько от нетерпения, хотя и это присутствовало, сколько из-за желания увидеть ее издали, сидеть и смотреть, как она войдет, остановится, привыкая к полумраку, станет искать его глазами. А он поднимает руку. Как когда-то, сто лет назад. В счастливые деньки их детства. И она улыбнется и пойдет торопливо к нему, они намертво сцепятся взглядами, в которых будут желание, радость и нетерпение.

Она вошла и остановилась, обводя взглядом полутемный зал. Он поднял руку. Она почти побежала. Он поднялся ей навстречу. Обнял, ткнулся лицом в ее волосы. Незнакомые духи, знакомое ощущение. Он помнил ее острые плечи и лопатки, тонкую шею...

– Я изменилась? – спросила она, чуткая, отодвигаясь.

– Ты выросла, – ответил он. – И стала еще красивее.

Она стояла перед ним, крупная яркая взрослая женщина. С белыми волосами, в белом костюме с золотыми пуговицами. Знакомые ямочки на щеках, знакомые светло-карие глаза, веер морщинок в уголках, знакомая улыбка. Он все еще держал ее за плечи. Она не пыталась освободиться. Он опомнился и отпустил ее.

– А ты почти не изменился, только... – Она всматривалась в него. – Стал жестче, сильнее. И подросток! Ты... А помнишь... как мы целовались на последней парте?

Он помнил, конечно. Разве такое забывается? Отодвигается, возможно, но не уходит, сидит где-то глубоко внутри, ждет. Желание распирало их, какая там история! Дело было на уроке истории. Подслеповатый старый учитель рассказывал о гражданской войне, а они, застыв, боясь пошевелиться, с отчаянно бьющимися сердцами, были распираемы и разрываемы молодым вусмерть желанием. Они держались за руки под партой, переплетя пальцы друг друга. Стискивая их. Он потянул ее к себе, не рассчитал, она ударилась головой в его плечо. И произошел взрыв. Магнит сработал, губы их соединились.

– Помню, – сказал Шibaев. – Конечно, помню. А помнишь, как Леонид Семенович выгнал нас с урока?

– Помню. А ты помнишь, куда мы пошли? – Она с лукавой улыбкой смотрела на него. Шibaев почувствовал, что краснеет – вполне забытое ощущение, забытое до новизны.

– Помню. А ты...

– Да! – воскликнула она, смеясь. – Да!

Изгнанные с урока как из рая, они отправились на реку – школа находилась рядом. Был конец сентября, стояли теплые солнечные дни. Река сверкала лениво, на пляже еще загорали. Они, не стоваривались, свернули в рощу. Заросли ивняка, молодые вязы, кусты бузины с кистями мелких синих ягод, высокая трава – все это было еще ярко-зеленым, сочным, томным. Только исчезло летнее марево, светотени стали отчетливее и резче и кое-где уже проглядывал первый желтый лист – вот и все, что говорило об осени. Лето продолжалось.

Они забрались в непроходимую чащу, полную переплетенных корней, плюща и стеной стоящих розовых цветков иван-чая. Здесь было сумрачно и очень тихо. Он расстелил на траве свою куртку. Она села. Он опустился рядом. Они не смотрели друг на друга, прекрасно понимая, что сейчас произойдет. Им было страшно. Он прошептал: «Кристина, я люблю тебя...»

– Знаешь, ничего уже не было... потом, – вдруг сказала Кристина. – Ничего похожего. Никогда! – Она смотрела на него с улыбкой.

Он кивнул. Он не смог бы сказать «никогда». Он просто не знал. Алик говорил, что память у женщин работает иначе, там застревает любая мелочь, вроде набежавшей тучи, упавшей ягоды малины, паутины, опустившейся на лицо в *известный момент*, а мы, мужики, помним только то, что в этот самый известный момент мы ее...

Она смотрела, ждала. Он взял ее руку, поднес к губам, поцеловал. Она погладила его по щеке. В ее жесте были легкое сожаление, грусть, ностальгия и благодарность. Они помолчали. Он не помнил, почему они расстались. Как-то так получилось. Потеряли интерес друг к другу, должно быть. Наступили долгие летние каникулы, они разъехались, новые знакомства, новый опыт. Потом ее семья переехала в другой район, они стали реже видеться. И все «рассосалось» само собой, как сказал однажды школьный дружок Шibaева Вадик Стеценко. Он видел ее с футболистом местной команды, культовой в городе фигурой, дебоширом и скандалистом, доложил Шibaеву и предложил разобраться, но тот отказался. «Эх ты, слабак! – сказал Вадик. – У него бабу уводят, а он! Или что? Рассосалось?» Шibaев смазал его несильно по затылку, Вадик ответил. Они подрались тогда...

Однажды он наткнулся на стихотворение Есенина – они все вдруг повально увлеклись Есениным: «...*со снопом волос своих овсяных отоснилась ты мне навсегда...*», и подумал, что это про них с Кристиной.

– Саша, мне нужна помощь, – сказала она, заглядывая ему в глаза. – Такая нелепая история... – Она порылась в сумке, достала свернутую газету и протянула ему. – Вот здесь, подчеркнуто.

Это была «Вечерняя лошадь», местный бульварный листок месячной давности. Отчеркнута маленькая заметка. Шibaев стал читать. Заметка называлась: «Шокирующая находка», и гласила:

«Страшная находка на участке одного из дачных кооперативов нашего города шокировала даже выдавших виды людей. Во время посадки кустов сирени в земле был обнаружен скелет человека. По словам специалистов, этот скелет принадлежит женщине, и пролежал он в земле около двадцати-тридцати лет. Кто эта несчастная, какое преступление произошло на участке много лет назад, кто виноват в ее смерти – на все эти и на многие другие вопросы предстоит ответить нашим правоохранительным органам, которые были вызваны немедленно. Открыто дело. Будем следить за результатами решения этой страшной загадки».

Шibaев прочитал и поднял глаза.

– Это наша дача, Саша. Леонид Стоянович, отец мужа, купил ее в начале девяностых у человека, которому не хватало денег на свадьбу дочери. Бывали они там редко – Леонид Стоянович не мог без своего кабинета, а Игорю... это мой муж, – было все равно. Когда мы поженились, Игорь привез меня туда, и я сразу влюбилась и в дом, и в сад, там еще лес вокруг. Стала вытаскивать туда и Леонида Стояновича, и Игоря, звать гостей... – Она вздохнула. – Теперь туда паломничество. Скелет забрали, сказали, будут разбираться. И все. С тех пор мы никого не видели. Яму засыпать не разрешили. Я перестала ездить на дачу, не могу видеть эту яму. Черт меня дернул покупать эту сирень! – Кристина всхлипнула, помолчала немного и добавила: – Извини, так нельзя говорить, я понимаю. Несчастливая женщина! Как подумаю, что мы там и шашлыки устраивали, и танцы-шманцы, и вообще... а она лежала под землей, мне дурно делается! Я бы продала дачу, так никто ж теперь не купит! Может, лет через пять, да и то! Не купят, соседи расскажут...

Шibaев сложил газету, пододвинул к Кристине.

– Что я должен сделать?

– Ты же частный сыщик, Саша! Я тебя нанимаю, узнай, кто она и что там произошло. Не могу я, чтобы ее зарыли, как собаку, под номером! Не могу! – Она заплакала.

Шibaев не помнил Кристину плачущей и вдруг именно сейчас увидел в этой огорченной и незащищенной женщине девочку из детства. Наверное, в его теперешнем восприятии их обоих в те далекие времена присутствовал элемент сочувствия и жалости – молодые, глупые, зависимые. Ему хотелось вытереть ей слезы и погладить по голове. Но он не сделал ни того, ни другого, просто протянул салфетку. Кристина кивнула благодарно, промокнула глаза и нос.

– С тобой говорили? – спросил он.

– Ну, в самый первый день вроде допрашивали. И все. С тех пор я никого не видела. Была в райотделе, спрашивала. Они меня помытарили, походила я по кабинетам, да так ничего не сказали. Взяли телефон, обещали позвонить, если что. Яму, сказали, можете зарыть. А толку? Что есть яма, что нету, ты же понимаешь! Я ее видеть не могу, эту дачу! И кусты пропали, хотя... теперь не до них. Там сажать я уже ничего не буду. Никогда! А ее хоть похороню по-человечески. Наш сосед работал когда-то в органах, так он говорит, какое дело? О чем вы говорите? Никакого дела не будет. Свежаков полно, а тут старое захоронение. Никому это уже не нужно. Заройте яму и забудьте. Поверишь, я спать перестала!

– Ты действительно хочешь, чтобы я этим занялся? Или чтобы я спросил у своих по старой памяти? Что и как.

– Я хочу, чтобы ты этим занялся, если у тебя есть время. Я заплачу!

– Не надо мне платить. Если понадобятся деньги на расходы, я скажу.

– Так ты берешься?

– Посмотрим. Ты... хорошо подумала?

Она взглянула недоуменно, и он пояснил:

– Сосед прав, может, и не стоит... – И поспешно добавил, увидев, как задрожали ее губы: – Не подумай, что я против...

– Чтобы ее как собаку!

Она смотрела на Шibaева заплаканными глазами, и ему стало неловко. Прав Алик – он сухарь и никогда не понимал женщин. Может, от этого все его проблемы. Он зарыл бы эту яму и... все. Или посадил кусты сирени.

– Мы не могли бы поехать туда? – спросил он деловито.

– Сейчас? Можем! Конечно! – обрадовалась Кристина. – Спасибо, Ши-Бон. Ты не представляешь себе, что это такое...

Она назвала его полузабытым детским прозвищем, кликухой, как они говорили, и что-то отозвалось в нем с сожалением.

– Я перестала спать...

Он не понял, что она имеет в виду, снова пожурив себя за толстокожесть. Такая скорбь по неизвестной женщине показалась ему, мягко говоря, странной. И он снова подумал, что они другие, прав Алик, и никогда их не поймешь...

Вечерело, когда они въехали в ворота дачного кооператива. Залаяла собака сторожа и побежала следом. Кристина руководила, и Шibaев послушно сворачивал направо и налево. Пышные кусты и высокие стебли желтых цветов бились в окна машины.

– У тебя красивая иномарка, – заметила Кристина.

– Угу, – ответил Шibaев. Он любил свой мощный темно-синий «BMW», купленный на «американские» деньги¹.

Дача Кристины оказалась большой, двухэтажной, сложенной из красного кирпича, с широкой деревянной верандой и крыльцом. От калитки к дому вела выложенная красной и зеленой плиткой дорожка, обсаженная цветами. У Шibaева не было дачи – хижина дяди Алика, маленькая кособокая хибара на Магистерском озере, не в счет, – и теперь он с удовольствием рассматривал густые заросли кустов, цветы, деревья и высокую траву. За домом угадывался сад. На лужайке справа, у буйных зарослей малины – Шibaев определил, что это малина, по засохшим кляксам ягод на ветках, до которых хозяева, видимо, не смогли дотянуться, – зияла продолговатая яма, наводившая на мысль о кладбище. Рядом лежали увядшие кусты сирени.

Шibaев подошел к яме, заглянул. Отвесные края, перерубленные белые корни растений, кое-где уже новые зеленые ростки по стенам. Природа брала свое. Кристина приблизилась, стала рядом, вцепившись в сумку. Лицо ее побледнело. Он положил руку ей на плечо, сжал, успокаивая.

– Пошли, – сказала она хрипло. – У меня нет еды, могу предложить чай. Кажется, там есть сухари. Не спешишь?

Они взглянули в глаза друг другу. Шibaев взял ее за руку. У нее было заплаканное лицо. Светлые волосы... когда-то длинные... Такие длинные, что он накручивал их на руку... *Со снопом волос своих овсяных...*

¹ Имеется в виду гонорар, полученный Шibaевым за розыски человека в Нью-Йорке. Эта история описана в романе Инны Бачинской «Голос ангельских губ». Издательство «ЭКМО».

В доме было холодно и пахло нежилой сыростью. Веранда отозвалась негромким скрипом на их шаги, качнулись кресла-качалки.

– Я здесь не была с того самого дня, – сказала Кристина. – Не могу! Вот кухня...

Они прошли мимо кухни. Мимо большой комнаты. Шibaев мельком заглянул туда. Диван, кресла, телевизор. Дача, видимо, охранялась не на шутку. Они поднялись на второй этаж по деревянной лестнице.

– Это спальня...

Они вошли. Здесь было совсем темно. Окно, заросшее диким виноградом, не пропускало света. Широкая кровать, грубая крестьянская скамья у изножия. Тусклое зеркало. Домотканая дорожка на полу.

Он развернул ее к себе. Она не то всхлипнула, не то вздохнула. Ее теплое дыхание обожгло его. Он нашел губами ее губы...

Они целовались как когда-то, сто лет назад, когда их распирало и разрывало молодое страшное желание. У нее были мягкие податливые губы. Он притиснул ее к себе, смял, накрутил на руку недлинные теперь волосы.

Покрывало полетело на пол. Они поспешно стаскивали с себя одежду.

– Сашенька! – прошептала она. – Мы вернулись, да?

– Да!

Близость с ней ударила Шibaева. Кристина вскрикнула, и он вспомнил, что она всегда вскрикивала, а он боялся, что их услышат, и спешил зажать ей рот поцелуем...

...Они в ту осень сошли с ума. Желание настигало их с силой пожара, землетрясения, цунами.

И в ту зиму. Он помнит, как они лежали в стогу, выкопав пещерку, а вокруг было заснеженное поле. Снег пах арбузом, сено пахло сыростью, где-то в глубине шуршали мыши. Он неосторожно сказал, что это мыши, и Кристина завизжала. А он привычно закрыл ей рот поцелуем...

И в ту весну. Он помнит свою куртку на земле. Кристину... И белые цветы в лесу, как яркие солнечные пятна... Ничего вокруг, только земля, бурая от прошлогодних листьев, и вдруг – белые цветы! Как взрыв. Кристина знала их название. Не вспомнить сейчас. Шibaев в цветах не разобрался.

Они лежали, обнявшись.

– Почему ты развелся? – спросила Кристина.

– Да так как-то... – Ему не хотелось говорить о своей семейной жизни. – Не сложилось.

– У меня тоже не сложилось. Муж уже четыре года в Португалии. А я здесь.

– Почему? Почему ты здесь?

– Да так, была одна история... А потом ему предложили контракт, и мы решили, пусть едет пока один, а там посмотрим. Он все время меня зовет...

– А ты?

– Не знаю. Не решила пока. Ну, а сейчас, наверное, мне нельзя уехать.

– Почему?

– Ну, как же! А эта... история?

– А ты при чем?

– Все равно как-то не по-людски.

– Глупая! Какая же ты у меня глупая!

– Я знаю! – прошептала она ему в ухо, и он рассмеялся. Оперся на локти и стал рассматривать в полутьме ее лицо.

– Старая? – спросила она.

– Не очень!

– Бессовестный!

Он целовал ее лицо с закрытыми глазами, испытывая восторг, нежность и желание...

Глава 2

Ужин вдвоем

– Вспомнил! Тебе звонила женщина, – сообщил Алик Дрючин, возникая на пороге комнаты. Слово «женщина» он произнес с придыханием. Интеллигент, он никогда не опускался до того, чтобы сказать «баба» или «телка», даже после бутылки.

– Я знаю, – отозвался Шibaев с дивана, где он лежал и сосредоточенно думал.

– Кто? Клиентка или... Кто?

– Одноклассница.

– Опять? Мой тебе совет, держись от них подальше. Народ как с ума сошел, тусуются на сайте, пацанские воспоминания, картинки, ура! Однокласснички! – Он хмыкнул иронически. – О чем говорить, если жизнь прошла! И сразу приколы – и лысый, и старый, и вообще...

Алик, как и весь остальной народ, в ностальгическом угаре вылез на сайт одноклассников и огреб по полной программе. Оказалось, он был дуб дубом в математике, списывал домашние задания, не ходил на физкультуру по причине общей ослабленности организма и безнадежно таскал портфель за первой красавицей класса. Это – минимум, который он обнародовал в беседах с Шибановым.

– Тьфу! – отреагировал чуткий к критике Алик. – Кому это, на фиг, надо? Старые тетки распускают виртуальные сопли, вспоминают, видите ли! Видел бы ты эту первую красавицу!

– Ты показывал, по-моему, ничего, – рассеянно отозвался Шibaев.

– Именно ничего, – буркнул Алик. – А самомнения... И что ей надо? Этой, твоей?

– Слушай, ты помнишь, в кооперативе «Славинка» выкопали скелет?

– Помню. Желтая пресса билась в истерике. И больше всего мне у них нравятся заголовки. Все – сплошной шок, и все шокированы до поросычьего визга. И что?

– Это ее дача.

Алик присвистнул.

– Ничего себе подарочек. Думаешь, это убийство?

– А что еще? Кто-то же ее закопал.

– Мой знакомый из прокуратуры рассказывал, что в костях нашли морфин. Может, передоз?

– Может, да, а может, нет. Даже если передоз... кто-то же был рядом, постарался обрубить концы.

– Говорят, она пролежала в земле лет двадцать-двадцать пять. А эта твоя школьная подруга ничего не помнит? Может, родственница?

Шibaев некоторое время внимательно рассматривал Алика. Потом сказал:

– Ага, тетя. Приехала в гости и скоропостижно скончалась. Ты и в суде с такими версиями выступаешь?

– А чего ей надо?

– Жалко, говорит, хочет похоронить по-человечески. Может, эту женщину до сих пор родные ищут.

– А твоя знакомая при чем? Говорят, дело открыли...

– Как открыли, так и закроют. Старый труп, тут с новыми разобраться бы. Ужин скоро?

– Ой! – опомнился Алик и убежал на кухню. – Она красивая? – спросил он уже за столом.

По «морскому» закону, который действовал у них в коммуне, ужин готовили по очереди. Кто готовил – тот не накрывал на стол и не мыл посуду. И наоборот. Почему это назы-

валось «морским» законом, история умалчивала. Так говорили в семье адвоката Дрючина, где отродясь не было никаких матросов. Сегодня накрывал на стол Шibaев и по рассеянности забыл положить вилки, за что Алик строго ему попенял.

Вообще-то у Алика есть своя квартира, но приходя в гости к приятелю и общаясь за полночь, он иногда оставался ночевать. В шibaевском стенном шкафу имеется даже специальная полка, где хранятся его пижама, пара чистых рубашек и носки. Бывшая супруга Шibaева Вера пыталась поломать мужское единение – нечего, мол, тут ошиваться, пусть спит дома, то ли из ревности – Алик ей никогда не нравился, – то ли в силу командирских замашек, но Александр пресек ее попытки резонным: «Мужа своего учи!», и она отстала. Но это все в прошлом – Вера к Шibaеву больше не приходит и котлет не жарит. И перестала рассказывать общим знакомым, что он без нее не сегодня завтра пропадет, не ест, не пьет, в результате чего похудел, и вообще! Последнее обстоятельство очень радовало Алика, который ее побаивался. Хотя и уважал. «Надежный тыл, – говорил он про бывшую жену друга, – но так и тянет от ее сентенций повеситься!»

Спартанское меню друзей не блистало разнообразием. Жареная или вареная картошка, отбивные из полуфабрикатов, помидоры, без которых Алик не мог жить, а Шibaев ел, потому что стояли на столе. Хлеб. Водка или пиво. И роскошь человеческого общения на разные темы, как уже было упомянуто. Темы ограничивались в основном политикой, женщинами и профессиональными достижениями. Женщинами в большей степени, причем здесь выступал, как правило, один Алик.

– Красивая, – ответил Шibaев. – Мы с ней сидели за одной партой.

– Замужем?

– Замужем.

– Как зовут?

– Кристина. – Шibaев невольно улыбнулся.

– Кристина, – повторил Алик. – Красиво! Первая любовь?

Шibaев задумался и не ответил. Жевал сосредоточенно. Алик разлил водку, поднял стакан:

– За любовь!

Тост не вызвал протестов со стороны Александра, и они выпили. Алик откусил от помидора, забрызгал соком рубашку, чертыхнулся и спросил:

– И как ты? Ничего в душе не шевельнулось?

Шibaев пожал плечами.

– У тебя от одноклассников сильно шевелится? – И после паузы добавил: – Ты не можешь его порезать?

– При чем здесь я? Я же вижу, что ты не в себе! Я не люблю резаных помидоров! Пока порежешь, вся кухня будет в томате, сто раз повторял!

– Я сказал – порезать, а не молотком бить.

– Очень остроумно!

Шibaев скользнул взглядом по его испоганенной рубашке, но промолчал.

– Кроме того, в целом больше витаминов, – сказал Алик. – И вообще я люблю спелые. Так что у вас с ней было?

– Ну, что... посидели, поговорили, вспомнили ребят.

– Где?

– В «Белой сове».

– И все?

– Съездили на дачу, посмотрели на яму.

– Ее что, до сих пор не засыпали? – удивился Алик. – Некому?

– Кристина говорит, до сих пор не разрешали. Кстати, тебе дача не нужна? Она отдаст задешево. Дом большой, кирпичный, участок, не то что твоя сторожка на Магистерском.

– Зато в моей нет скелетов!

– Еще неизвестно!

– Главное – не копать. Я даже червей с собой привожу, чтоб не копать. И что ты думаешь делать?

– Похожу, поспрашиваю. Должно же быть хоть что-то.

– Это военный кооператив.

– Сейчас уже нет.

– Я хочу сказать, что они все друг друга знали. Узкий круг. Что такое двадцать пять лет? Даже тридцать? Ее могли видеть, не с улицы же труп принесли. Пахнет семейным преступлением, поверь моему чутью. Нужно покопаться в семье.

Шибает снова внимательно посмотрел на Алика и кивнул:

– Покопаемся. Пока известно только то, что женщина была на даче, умерла по неизвестной причине, в останках нашли морфин. Кто-то зарыл труп. Никто ничего не видел, никто ее не искал. Если пропадает член семьи, то обычно ищут, шум поднимают...

– Удивительно, что никто не заметил свежую землю... – глубокомысленно заметил Алик.

– Может, там была клумба. Или дерном прикрыли. Не знаю. Сейчас там малинник метра под два высотой. Не исключено, что и тогда был. Кристина говорит, хотела посадить сирень, чтобы отрезать малину, которая... пустопорожня.

– Какая? – не понял Алик.

– Пустопорожня. Кустов много, а ягод почти нет. А вырубить жалко.

– Ага. Клумба, значит, или малинник. Малинник даже лучше. Жертву привезли туда и убили. Привез хозяин дачи, у которого, естественно, были ключи. Возможно, это «ночная бабочка». Торчали оба, умерла она одна. С непривычки или от передоза. Он испугался и закопал!

– Ключи не обязательно, возможно, сумели открыть окно или было не закрыто. А потом, какой дурак зароет труп чуть не посреди участка, если можно в саду, подальше от дома, там такие заросли, век не нашли бы. Или в лесу, тоже недалеко. Вряд ли хозяин.

– Может, растерялись? Или действительно чужой. А кроме того... в лесу опасно! Могут найти, а на участок никто не сунется. Право частной собственности.

– Резонно. Видишь, уже родилась хорошая версия, – сказал Шибает. – Случайная женщина, возможно, проститутка, морфин, передозировка. При чем привел ее не хозяин, он спрятал бы труп получше. Оба влезли в открытое окно. Оба... или сколько их там было.

– Если случайные люди, то их не найти. Никакой привязки. Знаешь, сколько бродяг шляется по дачам?

– Там охрана надежная, даже сейчас, а была еще круче. Да и не шляется тогда кто попало.

– Двадцать пять лет, а может, и больше... – задумался Алик. – Дохлый номер. А кто владелец?

– За это время поменялось несколько хозяев. Дохлый, не дохлый... Посмотрим.

– Посмотрим! – повторил Дрючин и поднял стакан. – За успех!

Весь вечер Алик рассуждал о всевозможных версиях и своем видении преступления. Он и Шибает напоминали старую супружескую пару, открывшую секрет удачного союза – один или одна все время говорит, а другой молчит и слушает. С той только разницей, что Шибает часто не слушал вовсе, а думал о чем-то своем. Или просто спал.

Вечер закончился тем, что Шибает окончательно уснул на старом продавленном диване, а Алик в кресле у телевизора.

И тогда пришел кот.

Шибаетовского кота звали Шпана. Это было большое сильное и независимое животное, покрытое боевыми шрамами от пяток и до кончика носа и гулявшее само по себе. Шпана вскочил на стол, неторопливо доел остатки мяса. Умылся тут же на столе, некоторое время посидел неподвижно, уставившись на экран телевизора – в его выпуклых желтых глазах с неподвижными зрачками мелькали телевизионные блики. Он был похож на египетскую храмовую статуэтку, и только кончики ушей, которые подрагивали, и хвост, дергающийся туда-сюда, выдавали в нем живого кота. Посидев, Шпана, брезгливо переступив через лужицы помидорного сока, вспрыгнул на спинку кресла со спящим Аликом, оттуда на диван, где и прикорнул под боком у хозяина. Шибаетов похрапывал, ему снилась Кристина; Шпана мурлыкал и дергал во сне лапами, догоняя привидевшуюся мышь; Алик тонко посвистывал носом. В квартире царил полное умиротворение. По телевизору передавали «Маленькую ночную серенаду» в исполнении столичного симфонического оркестра.

Глава 3

Лагерь «Зарница»

Вечерело. Тучи комаров, изнемогая, висели над лагерем. Несмотря на близость ночи, было душно. Путник подошел к воротам лагеря. Небольшой человек среднего возраста в джинсах и синей футболке. Ничего примечательного в его облике не было. Мужчина как мужчина, незаметный, не бросающийся в глаза, среднестатистический. Щит над воротами сообщал, что это молодежный военно-спортивный лагерь «Зарница». Человек подошел к часовому – серьезному пареньку лет пятнадцати в камуфляжной форме – и спросил начальника лагеря Вадима Петровича. «Пароля не знаю», – прибавил он. Мальчик смерил его строгим взглядом с головы до ног, шутки не принял, а может, не понял и сказал, что начальник лагеря на вечерней линейке и нужно подождать. Внутри не пропустил, кивнул на скамейку у КП. Путник послушно уселся и задумался. Из-за высокой металлической сетки доносился зычный мужской голос, ему отвечали звонкие мальчишеские голоса.

Мужчина сбросил кроссовки, пошевелил пальцами ног. Носков на них не было. Сидел, сгорбившись, рассматривая убитую землю у скамейки, и так ушел в собственные мысли, что вздрогнул, когда кто-то коснулся его плеча.

– Вася, ты? Откуда? – Высокий худой мужчина в такой же камуфляжной форме, как и мальчик, улыбаясь, смотрел на него.

– Димка! – Вася вскочил, забыв про кроссовки. Заметил свои босые ноги, смутился. Снова сел, принялся торопливо обуваться.

– Не спеши, – сказал тот, кого называли Димой, рассматривая гостя. – Ты как добрался? – Он уселся рядом.

– Пешком.

– От станции топал? Десять кмэ? Здоров, брат.

– Разве десять? Я не заметил. В лесу хорошо, трава, деревья... Белочки...

– Белочки! – рассмеялся Дима. – Неужели есть?

– Есть! И птицы!

– Что-нибудь случилось?

– Ничего. Просто пришел. Вадим Петрович... – Он с обожанием смотрел на друга. – Ты загорел.

– Живем в походно-полевых условиях. Почти. Оставайся, подправим тебя, а то совсем доходяга!

Вадим Петрович, начальник лагеря, был мужчиной лет сорока с небольшим, длинным, жилистым, с мощным разворотом плеч и мощными руками, с грубо слепленным, дочерна загорелым лицом, жестким седым ежиком над широким лбом и грубым, под стать всему остальному, голосом.

– Я бы не против, Димочка, но работа. Мы сдаем Библию... – Вася виновато вздохнул. Он работал художником-иллюстратором в местном издательстве «Арт нуво», рисовал для детских книг, сказок, календарей в старославянской манере – голубоглазые рыцари в доспехах с вещими мечами, пастушки, царевичи, скачущие кони, терема, зверушки – и в случае аврала часто ночевал на работе, забыв обо всем на свете. Прозвище у него было Вася Блаженный. Такие разные, Дима и Вася выросли в одном дворе и дружили с детства. Жесткий и драчливый Дима, гроза района, и боязливый слабый Вася, которого часто били. Причем раз или два – сам Дима. А потом он увидел его рисунки – Вася тихонько сидел в кустах и рисовал с натуры мыш-полевку. Мышь на рисунке была живее настоящей, она смотрела осмысленными глазками-бусинами и держала в лапке не то орех, не то горошину. «Это ты?

Сам? – не поверил Дима. Вася стоял, понурившись, ожидая гадости от дворового хулигана. – А другие есть?» Вася кивнул. «Пошли, покажешь!» – приказал Дима. Художник, не ожидая ничего хорошего, повел его к себе домой.

Дима рассматривал Васины рисунки, переводя взгляд с бумаги на тощего заморыша и обратно, словно не верил, что это его рук дело. «Класс, – сказал он наконец. – А танк можешь? Или самолет? Или про войну?» Вася не любил про войну, но отказать не посмел. Изобразил, как сумел. Диме рисунки очень понравились. Так они подружились...

– Оставайся на выходные, летом в городе делать нечего, – сказал Вадим Петрович. – У тебя есть выходные?

– На выходные можно...

– Давай. Плавать не разучился?

– Плавать? Не знаю... лет десять на реке не был.

– Ну и зря. Поплавать в шесть утра, а то и в пять – самое то, солнце только встало, вода холодная... дух захватывает! Выскакиваешь и – по берегу бегом марш! Никакая хворь не прицепится. Это личное время, а потом парней гоняю... Помню себя таким, все их трюки знаю, а не перестаю удивляться!

– Дети сейчас умнее нас, – заметил Вася.

– Такие же дурные, только с Интернетом и мобилой. Ну, да у нас тут ни того, ни другого нет. Все мобильники заперты в моей тумбочке.

– А не воруют?

– У меня? – Дима рассмеялся и ответил кратко: – Нет. Пошли, посидим. Голодный?

– Не очень.

– Во-во! А после бега подымаешь с голодухи. Видел бы ты, как они глотают все подряд! Первые дни и то не так, и это, и кока-колы нет, и вставать дураков нет, и бегать кросс дышалки не хватает, и костра ни разу в жизни не видели. А потом втягиваются. И кашу молотят как саранча. А вечером до койки доползают и отрубаются, про телевизор и не вспоминают. Мы им тут жирок подтапливаем. Это тебе не кабинет с компьютером.

И они пошли к Диме. Он жил в отдельной палатке, последней в ряду, почти в лесу. Порядок на территории царил идеальный. Порядок, тишина и пустота. Мальчики разошлись по палаткам. Правда, Васе показалось, что он услышал приглушенный крик: «Атаc! Афганец!» Он покосился на приятеля – тот ровно шагал рядом, и Вася так и не понял, слышал он крамольный выкрик или нет. Решил, что все-таки слышал. А что не среагировал, так надо знать тактика Диму – вот кто знает, когда нужно нажать, а когда посмотреть сквозь пальцы: мальчишки – они и есть мальчишки.

– Как Магда? – спросил Дима, когда они сидели у него в палатке. Магда была сестрой Васи, бывшей монашкой, жили они вместе, и она вела их нехитрое хозяйство после смерти матери.

– Магда? Хорошо.

– А сам?

– Хорошо. А ты?

– Нормально. Воспитываю. – Семьи у Вадима Петровича тоже не было. Так получилось. – Извини, тут у нас сухой закон, так что... – он скользнул быстрым взглядом по лицу Васи.

– Не нужно! – поспешил тот. – Я же понимаю. Ты не думай, я совсем... ни капли! Честное слово!

У Васи иногда случались запои, он напивался до положения риз, что называется, а потом страшно стеснялся, ходил бочком и прятал глаза.

Вася ел хлеб и вареное мясо, прихваченные из кухни. Дима смотрел на друга и думал, что он почти не изменился. То же выражение лица – так выглядит человек, прислушиваю-

щийся к голосам внутри себя, – тот же нездешний взгляд и вечная несмываемая краска на руках и под ногтями, только длинные давно не стриженные волосы поредели и плечи опустились. И лицо то же – состарившегося мальчика. И борода у Васи не растет...

– Так останешься? – спросил Вадим, когда друг закончил ужин.

– Не обижайся, Димочка... – Вид у Васи был несчастный.

– Что случилось? Проблемы на работе?

– Нет, на работе все хорошо. Ты...

– Что? Нужна помощь? Деньги? Говори!

– Ничего не нужно. Я... вот! – Он вытащил из кармана потрепанных джинсов сложенный в несколько раз газетный лист, протянул Диме. – Вот!

Тот взял, распрямил, взглянул вопросительно.

– Вот! – Вася ткнул пальцем. – Статья...

– «Шокирующая находка», – прочитал Дима. – Ну и что?

– Ты читай.

Вадим Петрович прочитал статью до конца. Потом еще раз. И только после этого поднял глаза на Васю. Некоторое время они молчали.

– Что же теперь делать, Димочка? – Он смотрел на приятеля затравленным взглядом.

Лицо у Вадима затвердело и казалось высеченным из камня. Хотя куда уж жестче.

– Ничего! – сказал он как припечатал. Аккуратно сложил газетный листок и протянул Васе. – Возьми. Можешь сжечь.

– А что если...

– Ты считаешь себя в чем-то виноватым?

– Не знаю... – прошептал Вася.

– Я знаю! Прекрати панику. Понял? Мы ни в чем не виноваты. Эта газета... грош ей цена. Никто не будет копать, понял? Столько лет прошло...

– А если...

– Нет. Не думай ни о чем.

– Я в церкви свечку поставил...

Дима посмотрел на него долгим взглядом. Отвел глаза и спросил:

– Ты там был?

– Был. Там весь город побывал... Знаешь, сразу все нахлынуло... как будто вчера...

– Вася, слушай меня! – Вадим Петрович смотрел на него в упор. – Забудь. Ничего не было. Ничего не будет. Никто не станет этим заниматься. Поверь, у них есть чем заниматься. Ничего не было. Понял? – Он положил руку на плечо друга, сжал.

– Понял... – Вася смотрел в пол.

– Ты мне веришь? Посмотри мне в глаза!

– Верю... – Вася уставился в страшные глаза Димы. Правое веко у того подергивалось.

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Нет.

– Завтра об этом никто и не вспомнит. Мало ли печатают ерунды, кому это сейчас интересно.

Он убеждал Васю, что все будет хорошо, никто не станет копать, а в случае чего – не докажут. А сам думал, докажут или нет – неважно! Если поднимется муть, он лишится самого главного. И тогда его жизнь кончится. Ему никогда не было так страшно, как сейчас. Ни в Афганистане, где стреляли и рвались снаряды, ни в госпитале, где он провалялся почти год – тогда он был молодой, верил, что все еще впереди. Он даже не боялся умереть – не верил, что это может случиться. А сейчас он мог потерять все... Все! Громко сказано. Ничего у него нет, кроме работы и этих мальчишек, в которых он вкладывает душу, и отними у него это – и ему не жить.

Они шли через ночной лес. Вася отказался остаться. В три утра шла первая электричка в город. Шли молча, каждый думал о своем. В лесу было тихо и очень темно. Дорожка едва угадывалась, и Вадим Петрович время от времени включал фонарик. Он предложил другу отвезти его на машине, но тот не захотел. Ему хотелось довести себя до полного изнеможения, физическая усталость вытравливает дурные беспокойные мысли, и голова становится звонко-легкой. Он сказал, что пойдет один, он никогда не боялся леса, но Дима настоял, и они пошли вместе.

Ночь была прохладная. От нагретой земли поднимался невесомый туман. Светили звезды. Сквозь ветки деревьев казалось, что звезды запутались в гигантском неводе и, если дернуть хорошенько, то можно стряхнуть их вниз. И тогда они посыплются на землю звонкими стеклянными осколками...

Глава 4

Старая дача, старая гвардия

– А вы откуда? – спросил сосед справа. – Нас уже спрашивали.

Шибает в начале своей карьеры стеснялся представляться частным сыщиком, выкручивался, как мог, а потом сообразил, что такая диковинка, как частный сыщик, развязывает людям язык. Каждый чувствует себя с ним на равных, каждый читает детективы и каждому есть что сказать по поводу преступления. Людям хочется поговорить и поделиться своими догадками с профессионалом, не связанным с правоохранительными органами, которых традиционно опасаются.

– Я из частного бюро.

– Частный сыщик? – обрадовался сосед, радушно протягивая руку.

Был это небольшого росточка человек в шортах и майке. На незначительном носу сидели внушительных размеров очки с толстыми линзами.

Они обменялись рукопожатием. Радость соседа казалась неподдельной, в нем чувствовался любитель детективного чтения.

– Михаил Спивак, – представился он. – Можно Миша.

– Александр Шибает. Вы, наверное, уже догадываетесь...

– Господи, конечно! – всплеснул тот руками. – Это из-за скелета! Мы уже тут и так, и этак, разговоры всякие, домыслы, перебрали всех, кто тут раньше жил. Здесь когда-то был кооператив для военных, а эта дача числилась за генералом Савенко, Иваном Ильичом. Ой, да что ж это мы стоим? Заходите, садитесь. Сейчас я быстренько соображу!

– Не нужно... – начал было Шибает, но Миша его не слушал и летел к дому.

Вернулся он минут через десять с бутылкой, стаканами, тарелками в обеих руках и полиэтиленовым мешком, который держал в зубах. Обрушил все на стол, развернул мешок, достал нарезанное сало и хлеб, споро разложил. Метнулся к грядкам, надергал петрушки и укропу, сунул под кран. Потом откупорил бутылку водки, разлил.

– Чтоб такое больше никогда не повторилось!

Шибаету показалось, что Миша собирается выпить стоя. Но тот остался сидеть. Они выпили. Спивак крикнул. Некоторое время они сосредоточенно жевали. Потом Миша покивал головой и сказал:

– Мой отец здесь тоже получил, он в военкомате работал. Мне было лет двадцать, так генерал меня в свою компанию звал, дразнил, что я жених для его дочки. У него дочка Ляля была, красивая, избалованная. На меня, конечно, ноль внимания, за ней такие ухлестывали, куда мне, очкарику! – Он махнул рукой. – Иван Ильич видным мужиком был – здоровый, голос зычный, все костер жег, шашлыки жарил. Друзья приходили, такое братство, даже завидно было. И жена его, толстая, смуглая, из грузинок, тетя Тамико. Хорошая женщина, царствие небесное им обоим.

Его в восемьдесят четвертом, в августе, в Афгане убили. С тех пор она тут ни разу не появлялась. Говорили, болела сильно, что-то с головой. А Ляля еще долго приезжала, друзей привозила. Они здесь такое вытворяли!

– Долго – это сколько? – спросил Шибает.

– Ну, несколько лет... Подождите... – Миша задумался.

Шибает ждал молча.

– Знаете, я, кажется, могу назвать точную дату! – радостно заявил он наконец. – Девятнадцатого августа одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого! Точно! Девятнадцатого августа в последний раз! Я как раз женился девятого числа, и мы тут же дунули в Болгарию на

Золотые Пески, вроде как медовый месяц. На неделю. А когда приехали, сразу навестили родителей, как раз яблочный Спас был, мама обед приготовила, говорит, хочу посидеть с вами в спокойной обстановке, и про границу расскажете. Мы им еще подарки привезли. Маме, как сейчас помню, телогрейку из белой козы, вроде жилетки, без рукавов, а отцу – бутылочку, а внутри разноцветным песком его имя выложено – Андрей. Папаня все не мог понять, как это они умудрились его имя выложить! До сих пор бутылка есть, а их уже нету. – Миша вздохнул и развел руками. – Да, так приехали мы, сели в саду. А у соседей гулянье! Музыка гремит, костер, дым столбом, искры! Как сейчас помню. Они лили в огонь бензин, чтоб лучше горело. Отец хотел пойти отчитать, но мать удержала. Говорит, не вмешивайся, не дай бог в драку полезут, они же пьяные! У Ляльки ни стыда, ни совести! Такой отец, постыдилась бы. И все! Больше они не приезжали. Учеба началась, Ляля училась в институте, не до того стало. Я спрашивал у матери, как там, спокойно? А она говорит, спокойно, никого нет с тех пор, никто не ездит. Генеральша еще раньше умерла. А Ляля вышла замуж за американца и укатила в Америку.

Миша потянулся за бутылкой, разлил по новой.

– Земля им пухом! Ивану Ильичу и тете Тамико. Говорят, в закрытом гробу генерала хоронили...

Они выпили. И Миша продолжил:

– Дача закрытая простояла года четыре или даже все пять, мебель вывезли, а потом ее купил у правления Петя Дяченко, Петр Петрович. Хороший человек, мастеровой, руки золотые. Правда, не военный. Там уже и пол провалился, и крыша текла. Так Петя все своими руками починил – он прорабом работал на стройке, материалы всякие мог достать. А через два года продал дачу Леониду Стояновичу, заслуженному человеку, архитектору. Чуть не плакал, так жалко было. Дураки люди! – Миша взмахнул рукой с зажатым в ней куском хлеба. – Представляете, продал дачу, которую восстановил своими руками! На свадьбу дочке деньги были нужны. И что? Теперь дачи нет, а той же самой дочке очень пришлось бы! Сейчас такую не купишь, никаких денег не хватит!

Поначалу новые хозяева бывали часто, он с сыном Игорем – видный парень, художник, а потом как отрезало. Времена тогда наступали смутные, стали дачи грабить, охрана уже не та была... Да мы и сами не очень приезжали, мама болела, отец от нее не отходил. А как Игорь женился, они снова стали появляться, уже с женой, с Кристинкой. Хорошие ребята, ничего не скажу. Особенно Кристинка.

Да, не позавидуешь ей с этим скелетом. Она сирень купила, стали копать – и на тебе! Выкопали на свою голову! Народ толпами валил. Сейчас уже, конечно, ездят поменьше. Если бы хоть яму засыпать, да не разрешают, она говорит. Дело, мол, открыли, а какое может быть дело, если столько лет прошло? Четыре года никто не жил или все пять, мало ли кто мог залезть. Полно бомжей!

Они помолчали. Шibaев спросил:

– А в этом месте что раньше было?

– В каком смысле? – не понял Миша.

– На месте ямы что раньше было?

– Тоже какие-то кусты росли вроде, малина или какие другие, все одичало, заросли как в джунглях. Игорь с краю выдернул, вскопал, и Кристинка там цветы посадила. А в этом году надумала сирень сажать, а то малина очень разрослась. Я говорил ей, рано, нужно в сентябре, а ей втемяшилось – хоть ты тресни! Женщина, одним словом! А подождала бы до сентября, глядишь, и передумала бы.

– А вы здесь все время живете?

– Ага. Слушай, давай на «ты», а? А то как-то не по-людски. Мне свежий воздух нужен, я четверть века в химическом цеху протрубил, легкие посадил, теперь задыхаюсь. Даже курить бросил. Давай еще по одной!

– А не много?

– Одну на двоих? – удивился Миша, и Шibaев устыдился неуместности своего вопроса.

– А она... Ляля эта, где училась? Ляля – это Ольга?

– Людмила. А училась вроде как на инязе – самый престижный у нас факультет. Был бы жив отец, пристроил бы куда-нибудь за границу переводчицей, нынче языки везде нужны. Но и сама не растерялась, видишь, американца отхватила – и поминай как звали!

– А когда мать умерла, она еще здесь была?

– Здесь! Генеральша умерла через год примерно после Ивана Ильича. А Лялька... Точно! Я был на похоронах, видел ее. А как уехала в Америку, ни разу больше не появлялась. Если и приезжала, то на дачу точно не заходила. А к кому приезжать? Разве что к подружкам. Никого не осталось. Говорят, грузинская родня была, но я лично никого не видел.

Они помолчали. Потом Миша сказал, словно подводя итог:

– Вот так живет человек, живет и не знает, где его закопают. – Он подпер голову рукой и понурился.

Шibaев поднялся, но тут Миша встрепенулся и сказал нетвердым голосом:

– Сядь, Саша! Давай за нее! За покойницу! Пусть земля будет ей пухом...

Он осекся, видимо, вспомнил, что похорон еще не было. Махнул рукой и вылил остатки водки в стаканы...

Через полчаса Шibaев решительно встал из-за стола. Миша его не удерживал. На прощание сообщил, что в тридцать четвертом номере живет подполковник Якубов, Степан Давыдович, тоже ветеран, вроде дружил с генералом. Так что, если что... Миша неопределенно пошевелил пальцами. Шibaев, обняв его по-дружески, довел до топчана под яблоней, уложил. С сомнением оглядел нападавшие яблоки, усеявшие землю, перевел взгляд на те, что еще держались на ветках. Попрощался и пошел к калитке, рассудив, что если яблоко и упадет на Мишу, то... не убьет же!

Дача подполковника Якубова производила впечатление крепости или военного укрепления. Высокий забор, металлические ворота, мощный домина и собака – белый буль с розовым голым животом. Когда Шibaев нажал на звонок, с булем случилась истерика. Он так бросался на решетку, так визжал и брызгал слюной, что Шibaев невольно отступил. На шум из глубин появился хозяин – невысокий полный мужик в одних трусах. Он подошел к калитке и сказал твердо:

– Я вас слушаю. – Прикрикнул на собаку: – Скайд, спокойно! Сидеть!

– Добрый день, Степан Давыдович. Я хотел бы поговорить с вами... – начал Шibaев.

– На предмет?

– О генерале Савенко, Иване Ильиче.

– А вы кто будете? – Якубов сузил глаза и смерил непрошеного гостя с ног до головы.

«Не иначе контразведка», – подумал Шibaев, невольно вытягиваясь, и сказал: – Александр Шibaев, веду расследование по поводу захоронения на бывшей даче генерала Савенко.

– Значит, дело все-таки открыли?

– Мое расследование носит частный характер, Степан Давыдович.

– По какому праву?

– По просьбе владелицы дачи, Кристины Юрьевны Яковлевой. Может, поговорим... в более спокойной обстановке? – Шibaев скользнул взглядом по псу, который не сводил с него красных глаз и утробно рычал.

– Скайд, на место! – приказал Якубов, отпирая калитку. – Заходите. Скайд! Я кому сказал?!

Пес нехотя потрусил к будке. Будь его воля, он бы намертво вцепился в прищельца, добрался бы до горла и – только хрустнуло бы!

– Не судьба! – читалось на его недовольной морде, которую он тут же высунул из будки.

Они уселись за стол, снова под яблоней. В отличие от Мишиной дачи яблук на земле не наблюдалось – всюду царил идеальный порядок.

«А может, снабженец», – подумал Шibaев.

– Я вас слушаю, – повторил Якубов.

– Что за человек был генерал Савенко?

– Генерал Савенко был боевым офицером, героем Советского Союза, честным человеком. Погиб как герой во время боевых действий в Афганистане, в августе восемьдесят четвертого. Я его прекрасно знал. Я не понимаю, при чем здесь генерал Савенко? Дача несколько лет стояла закрытая, кто угодно мог залезть.

– А его семья...

– Тамико Тариэловна – прекрасная женщина. После гибели мужа стала болеть, у нее были проблемы с сердцем. Умерла спустя год. Дочь Людмила вышла замуж за иностранца, кажется, американца, и уехала. Все. Забудьте про генерала, он здесь ни при чем. Не оскверняйте памяти. Нечего ходить и выпрашивать. Есть вещи, которые лучше не трогать. Двадцать лет, шутка ли. Нечего копать, да и зачем?

На крыльце появилась миловидная женщина в синем легком платье. Голубоглазая, с седыми короткими волосами. С любопытством посмотрела на Шibaева, кивнула, улыбнувшись.

– Что тебе, мать? – обратился к ней Якубов.

– Степа, я в магазин. Сейчас хлеб завезут.

– Может, на машине? Товарищ уже уходит.

– Не нужно, я пройдусь.

– Ну, смотри. А вы, молодой человек, не тем делом заняты. Так и передайте Яковлевой, что не тем. Глупая затея. Двадцать пять лет! А может, все сорок! Или пятьдесят! Все от почвы зависит. И не слушайте сплетни, мало ли, что люди скажут. Эта газета не имела права печатать материал без согласования с правлением кооператива. Не имела! – Он тяжело хлопнул ладонью по столу. – Нет, что ни говори, раньше было больше порядка. Народ знал, что можно, а чего нельзя. И газеты уважали права граждан, не лили помой.

Он насупился. Скайд, почувствовав недовольство хозяина, зарычал громче. Шibaев старался не смотреть в его сторону.

– Спасибо, – сказал он и поднялся.

– Не за что, – ответил полковник Якубов. – И помните, что я вам сказал. Всего хорошего.

Шibaев пошел по узкой асфальтовой дорожке вдоль дачных заборов. Малина, черная смородина, буйные кисти белых и сиреневых цветов, пышная зелень – все это выпирало из-под решеток, словно просилось на волю.

Синее платье седовласой женщины он заметил издали. Она ждала его за поворотом. Он кивнул ей и сказал неопределенно:

– Хорошие тут у вас дачи...

Он хотел добавить что-нибудь насчет богатого урожая, но не нашелся. У Шibaева никогда не было своей дачи, он иногда наезжал к Алику на Магистерском озере половить

рыбу. Там не росло ничего, кроме буйной травы, и поэтому не ему было судить о богатых или бедных урожаях.

– Очень! – отозвалась она с готовностью. – Я не нарадуюсь, и отец при деле. Это я так Степу называю. Знаете, мужчина без работы... Ужас! – Она рассмеялась. – А вы кто? Я не все слышала...

Шибает усмехнулся – она даже не скрывала, что подслушивала.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Зоя Владимировна! А вас?

Шибает представился. Они неторопливо шли к выходу из кооператива.

– Вы приходили из-за скелета! Какой ужас! Я до сих пор не могу прийти в себя. Бедная женщина! Вас Кристина наняла?

– Кристина.

– А зачем? Это же, говорят, случилось лет двадцать пять или все тридцать назад, это ж к ним не имеет никакого отношения.

– А к кому имеет?

– Ну... я не знаю. Когда-то это была дача генерала Ивана Ильича Савенко. После них дом стоял закрытый четыре года. Генерал погиб... такой человек! Генеральша вскоре тоже умерла, дочка вышла замуж за американца и уехала. Видная была девушка, Лялей звали. Волосы красивые, разодета всегда как кукла.

Потом здесь жил Петя Дяченко, правда, недолго. Хороший человек, что ни попросишь, все умел. Потом они продали дом, мы все очень жалели. Продали Яковлеву Леониду Стояновичу, отцу Игоря... Замечательный человек, заслуженный архитектор, а Игорь – художник. Но они почти не бывали тут. А потом вдруг стали ездить – Игорь и его жена Кристина, она цветочки везде насадила, такая славная.

– Вы хорошо знали генерала?

Он уловил заминку, едва заметную, и насторожился.

– Степа знал, они вместе служили несколько лет. Да мы все здесь его знали. Видный был мужчина, красавец! Голос громкий, сам веселый, гостей любил. А жена болела все время...

Что-то витало в воздухе. Шибает чувствовал нюхом старой опытной ищейки, что она не решается сказать о чем-то, и замер, боясь подыграть не в тон, спугнуть.

– Мне говорили... – осторожно сказал он. – Умница, служака, герой.

– Да! – подхватила она с жаром. – И красавец из себя!

– Жена, говорят, тоже красивая была. Кажется, грузинка?

– Грузинка. Тамико. Красивая, только болела сильно. Сердце, давление, не знаю точно.

Она сюда и не заглядывала.

– А генерал?

Зоя Владимировна порозовела, оглянулась. Поправила волосы.

– Знаете, я, конечно, не должна бы... Но ведь это очень важно, правда?

Шибает не понял, что она имеет в виду, но на всякий случай кивнул.

– Только это между нами! – Она смотрела на него васильковыми глазами.

Шибает снова кивнул.

– Иван Ильич приезжал сюда не один! – прошептала она и снова оглянулась. – У него была... подруга! Я их видела однажды. Когда он появлялся на даче, мы всегда знали – сразу дым столбом, всех соседей звал, застолье, шампанское привозил специально для дам... – Она вздохнула. – А в тот раз – тихо, можно сказать тайком. Он ее за руку держал. Сошли с крыльца – и в машину. Я Степе рассказала, а он говорит, не наше дело, не лезь. Он генерала очень уважал.

– Как она выглядела?

– Ну как... лет двадцать пять – тридцать, красивой не назовешь, волосы длинные, темные, скромно одетая. Она ему по плечо была. В белых туфельках на каблучках. А он ее держал за руку. Так за руку и пошли к машине.

– А больше вы их вместе не видели?

– Нет, только один раз. – В голосе ее слышалось сожаление.

– А ее, эту женщину, вы где-нибудь потом встречали?

– Нет, никогда! – Зоя Владимировна прижала руки к груди. – Я никогда ее больше не видела! Ни до того, ни после.

– Понятно. Спасибо вам большое, Зоя Владимировна. Еще вопрос... вы смогли бы узнать ее... скажем, на фотографии?

– На фотографии? Ну... наверное. Если вдруг увижу живую... не знаю, шутка ли, столько лет прошло, а вот на фотографии, если старая... наверное узнаю. А что? – Она с любопытством смотрела на Шibaева. – У вас есть ее фотография? Вы ее знаете?

– Не знаю, и снимка ее тоже нет. Пока нет.

Она кивнула.

– Только, пожалуйста... пусть это останется между нами, ладно? Если Степа узнает...

– Не беспокойтесь, никто ничего не узнает, – заверил ее Шibaев. Не удержался и добавил: – Собака у вас серьезная!

– Скайд! – воскликнула она и всплеснула руками. – Он же дурак! И злой как черт. Только мужа и признает, я сама его боюсь! Просила взять коккера, знакомые предлагали, такая лапочка, мальчик, два месяца, а отец ни в какую. Сторож, видите ли, ему нужен, грабителей полно. Я говорю, загрызет кого-нибудь, будешь отвечать!

Шibaев проводил Зою Владимировну до автолавки, где, довольные друг другом, они распрощались.

Глава 5

Первые шаги

Вечером Шибает жарил картошку, а Алики Дрючин стоял над душой, задавал вопросы и строил догадки.

– Генерал-афганец! Морфин! – раздумывал вслух адвокат. – Афганистан – мировой поставщик наркотиков, знаешь, сколько к нам дури оттуда закидывается?

– По-твоему, генерал занимался контрабандой наркотиков?

– Откуда я знаю? Не исключено! Думаешь, там все борцы за идею были?

– Не думаю. О нем хорошо отзываются...

– Это ничего не значит! Есть убийцы с такой репутацией – крыльев ангельских не хватает!

Шибает только хмыкнул и потрогал ножом картошку.

– А что, связка, по-моему, намечается: генерал, наркотики, любовница...

– Употребляли оба, хочешь сказать?

Адвокат пожал плечами.

– Вполне! Война, кровь, смерть – спасались чем могли. По принципу, война все съест. И везли домой. Про генерала не знаю, вряд ли он торговал, хотя... Возможности были, а деньги всем нужны... сам понимаешь. Транспорт регулярно ходил, никаких досмотров, посылки доставлялись исправно. А может, только для себя. А женщина эта...

– Умерла от передоза, и он ее закопал перед домом? Зачем? Зачем ему ее закапывать? У него были возможности проделать все шито-крыто и без лишнего шума. Вызвал бы санитарную машину, объяснил ситуацию... Он же герой! Честь мундира, ему пошли бы навстречу.

– А если не только передоз, а и убийство? Удушение, например?

– Твой дружок-эксперт упоминал только про морфин, а не про сломанные шейные позвонки или другие повреждения. Спроси еще раз на всякий случай.

– Она могла умереть от удушья! Газ!

– Как ты себе это представляешь? Генерал подставил любовницу, уже отравленную морфином, под источник газа. Зачем? Чтобы наверняка? И потом закопал?

– Тогда кто?

– Откуда я знаю?

– Что ты собираешься делать?

– Начать с начала. Покопаться в том, что под рукой. Знаешь, этот Якубов, боевой соратник генерала, отзывается о нем как о прекрасном офицере, честном, прямом, и так далее. Говорит, все чушь, никакого отношения покойный генерал к этому скелету не имел и иметь не может, не смейте его порочить! Но, понимаешь... – Шибает застыл с ножом в руке. – Понимаешь, он сказал, неизвестно сколько времени скелет пробыл в земле. Говорят, двадцать пять лет, а на самом деле, возможно, все пятьдесят, зависит от почвы.

– Правильно говорит, я читал статью...

– А до того, как прочитал, ты знал? О том, что все зависит от почвы?

– Нет, но...

– Значит ты специально искал!

– Ну, искал. Нужно было, вот и искал.

– Вот именно, искал! Потому что нужно. А Якубову зачем понадобилось искать? Рыться в специальной литературе, ходить в библиотеку? – Шибает значительно посмотрел на Алику. Тот пожал плечами и открыл рот, но сыщик перебил: – Затем, что он сразу же заподозрил генерала и попытался доказать самому себе, что генерал ни при чем. Если бы

он был уверен, что тот ни при чем, ему и в голову не пришло бы лазить по справочникам. Такого рода литература не лежит в открытом доступе. Доступно излагаю?

– Излагаешь доступно, но логика... извини, подгуляла! В чем криминал-то? Любопытный, мало ли. Въедливый, настоящий военный. Ты, Ши-Бон, как всегда, все усложняешь...

– И про женщину в белых туфлях Якубов знал. Жена ему рассказала. И подумал он так же, как и ты, что генерал имеет отношение к смерти этой женщины. Вот и пошел в библиотеку.

– Что-то не верится!

– Ты же сам говорил про наркотики.

– Говорил... Все равно, как-то... – Алик покрутил головой.

– А знаешь, что будет дальше? – спросил Шibaев.

– В каком смысле?

– В прямом. Якубов напишет заявление в прокуратуру с просьбой защитить доброе имя генерала-героя и призвать меня к порядку! На спор?

– Вряд ли, он же не дурак муть поднимать!

– Он не дурак, но привык командовать и подчиняться. Он решил, что мне дадут команду и я устранюсь.

Алик задумался. Потом сказал:

– Ладно! На что спорим?

– Как обычно.

– Две!

– Уверен, что не напишет?

– Уверен! – Алик протянул Шibaеву руку.

Они обменялись рукопожатием.

– Может, и не напишет, – заметил Шibaев. – Но, думаю, напишет.

– Все равно, две! А семья генерала? Кто-то еще есть?

– Жена умерла через год после него, дочь в Америке, замужем за американцем.

– По-моему, твоему коту набили физиономию, – заметил Алик, завидев входящего в комнату Шпану. – И храмет. Совсем плохой.

Шibaев взглянул мельком. Широкий, в боевых шрамах нос кота был расцарапан до крови, один глаз уменьшился в размерах. Кроме того, он припадал на левую заднюю лапу.

Шпана подошел к своей миске и требовательно мяукнул.

– Будет жить! – успокоил Алика Шibaев, отваливая коту жареного мяса.

– И куда в него столько лезет! – обратился Алик в пространство.

* * *

На другой день Шibaев появился на даче с самого утра. Заглянул в сарай за домом, нашел лопату и пошел засыпать яму. Над оградой возник сосед Миша, поздоровался, спросил:

– Что, разрешили?

– Разрешили!

– Подожди, Сашок, я подмогну!

Миша скатился с ограды и исчез. Прибежал через пять минут с лопатой, и они стали забрасывать яму вдвоем.

– Что-нибудь узнал? – поинтересовался сосед.

– Поговорил с Якубовым.

– И чего? – Миша перестал работать, уставился через мощные линзы на Шibaева. Глаза его напоминали стрекозы.

– Да ничего! Это так, прикидка. Надо же с чего-то начинать. А ты что, опять один?

– Жена на работе. Говорит, завидую тебе, лежишь себе под яблоней, читаешь детективы. А мне уже эта дача с яблоней во где! – Миша резанул рукой по горлу. – И зажирел! – Он оттянул резинку шортов и отпустил. Раздался щелчок. – Видел?

Некоторое время они работали молча. Вдруг Миша сказал:

– Знаешь, по-моему, у жены кто-то есть! Каждый день в новой тряпке. Сейчас я, правда, не знаю, она меня сюда как в ссылку сослала, на зону! Я эту дачу... честно тебе скажу, ненавижу! Достала!

– Сиди в городе.

– А там еще хуже. Сплю под теликом и к холодильнику – туда-сюда! Туда-сюда! А здесь хоть на пруд иногда схожу, поплаваю. Слушай, может, помощь какая нужна? Ну, там, подсобить информацию, поспросить. Я тут почти всех знаю, а? Между прочим, в кооперативе у нас бывший участковый проживает, он тебе все про местное хулиганье доложит. Павел Никитовичем его зовут, фамилия Дыбенко, в пятьдесят восьмом номере. Можем сходить вдвоем.

– Я подумаю, – пообещал Шibaев.

Они кончили забрасывать яму. Оперлись на лопаты, оценивая работу.

– Ни в дугу, – сказал Миша, выпятив нижнюю губу. – С ямой хреново и без ямы тоже хреново. Как на кладбище. Надо высадить кусты. Жалко, сирень засохла. Бедная Кристинка!

– Можно дерном закрыть, – подумал вслух Шibaев.

– Точно! В саду! – Миша махнул рукой.

И они пошли в сад за дерном...

В вестибюле педагогического университета было прохладно, тихо и стоял неистребимый «школьный» запах – краски, мела и мокрых тряпок. Эхо подхватило его гулкие шаги – Шibaев даже оглянулся, ему показалось, что его догоняют. Но сзади, равно как и впереди, никого не было.

Вахтер при входе объяснил, как найти канцелярию. Но то ли Шibaев плохо слушал, то ли неправильно понял, нашел он ее не сразу. Он прошелся по коридору в одну сторону, в другую, потом остановился и прислушался. После чего пошел на женский голос.

– Это канцелярия? А где табличка? – спросил Шibaев, всовывая голову в кабинет.

Молодая женщина отвела телефон от уха, с любопытством его оглядела и сказала:

– Украли! Еще весной!

– Дознание было?

Она рассмеялась и сказала в трубку:

– Я перезвоню. Ко мне пришли! – И с улыбкой посмотрела на Шibaева. Видно было, что ей скучно. – Кофе хотите?

– Не откажусь. Тут у вас как в холодильнике!

– Здание старое, стены толстые. Вам с сахаром?

– С сахаром. Как вас зовут?

– Светлана. А вас?

– Александр.

Она передала ему чашку.

– Я вас слушаю!

– Я ищу человека, девушку...

– Девушку? Студентку? – В голосе ее сквозило разочарование.

– Студентку, которая училась у вас примерно в 1986 году. Возможно, раньше или позже.

- Двадцать пять лет назад? Зачем вам?
- Ее ищут родственники.
- Я здесь всего три года. А как фамилия?
- Людмила Ивановна Савенко.

Она пожалала плечами, скользнула взглядом по его фигуре и догадалась спросить:

- А вы кто? Тоже родственник?
- Нет, я из частного агентства.
- Частного? Вы частный детектив?

Шибает кивнул. Ему показалось, она обрадовалась. Есть женщины, которым нравятся частные детективы. Частный сыщик – самая интересная профессия после киллера и колдуна.

– У нас компьютерные архивы! – похвасталась она. – Сейчас поищем вашу Людмилу Ивановну Савенко.

Она проворно забегала пальцами по клавиатуре. Нахмурилась.

- Нет такой! Вы ничего не путаете?
- Возможно, она не закончила учебу.
- Бросила?

Шибает развел руками.

– Есть! – вскричала Светлана. – Вот она! Людмила Ивановна Савенко, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения. Поступила в восемьдесят четвертом, иняз. Закончила два курса, потом забрала документы. А что, родственники не знают, где она?

– Родители умерли, она выехала за границу, вышла замуж, и связь прервалась. А список ее группы дадите? Может, кто-нибудь из них знает?

– Конечно! – с готовностью согласилась секретарь и проворно забегала пальцами по клавишам. – Вот!

Шибает взял листок, пробежал глазами список. Двадцать две фамилии, трое парней, остальные – девушки. Он хмыкнул, представив себе этих парней.

Светлана поняла и сказала:

- А сейчас еще хуже! Вообще одни девочки.
- Кто из тех преподавателей еще работает?
- Никто, по-моему. Я точно не знаю. Может, Витя Адидас?
- Кто?

Светлана слегка смутилась:

- Ой, это Виктор Павлович, физрук. Он тут давно, может, и тогда работал.
- Адрес можно?

– Да он все время тут торчит, как жена его бросила. С секцией легкоатлетов. Только... – она замялась.

– Только? – повторил Шибает.

– Только... Знаете, он неадекватный какой-то! Прыгает как козел, волосы красит, девочки рассказывали... – Она вдруг осеклась. Сказала уже другим тоном: – Спортзал на втором этаже, с утра вроде он был, если не пошел в «Княжий двор»... – По ее тону Шибает догадался, что «Княжий двор» – не просто кафе, а некое значное место как раз для таких прыгающих козлов, как Витя Адидас.

Физрук Виктор Павлович был на месте. Гулкие шлепки по мячу Шибает услышал еще на лестнице. Пожилой живчик в сине-белой спортивной форме перестал бросать мяч и с радостной готовностью обернулся на звук открываемой двери. Это был Витя Адидас, как немедленно догадался Шибает, вспомнивший, что физрук «прыгает как козел». Больше в спортзале никого не оказалось.

– Частное бюро? – обрадовался Виктор Павлович. – Какие родственники, грузины? Ляля говорила, что миллионеры, еще тогда. Да помню я ее прекрасно! Классная деваха была!

Его не пришлось понукать. Соскучившись, он с удовольствием предался воспоминаниям – оживился, заблестел глазами, вспомнил словечки своей юности. И перешел на «ты».

– Мой первый год! Представляешь, я пацан, двадцать два, голодный, только после армии, а тут такие телки! Меня дядька, брат матери устроил. Я лопался от гордости – не школа, а вуз! Дядька – ветеран войны, заслуженный журналист, его все в городе знали. И сразу на заочный, дядька сказал, диплом нужен. Слушай, пошли в «Княжий двор»! Тут, через дорогу! – Он махнул рукой.

Шибает не возражал, и они пошли. Виктор Павлович, живчик, взял с собой мяч. Они шли по улице, и он стучал мячом об асфальт. Шибает незаметно рассматривал физрука – тот напоминал ему механического человека или марионетку, которую дергают сразу за несколько ниток. В нем все беспрестанно двигалось и существовало как бы автономно: руки-ноги, торс, колени, плечи; шлепок мяча – кивок головой; иногда физрук несколько раз подпрыгивал на месте, словно проверяя крепость тротуара. Кроме того, он постоянно оборачивался на проходящих женщин. И при этом не переставал говорить.

– Я спортивный парень был, а у них одни девчонки и очкарики, да и то – половина освобожденных. Мяча в руках не держали, а визгу! На лыжах всего две или три прилично стояли, а остальные кувыркались! Лялька ходила на лыжах как десантник, отец научил. Ох, и красивая была! Самая красивая на курсе, да что там на курсе – в институте! А шмотки! Это теперь все есть, а тогда – ничего, все по благу. Ей батя из Афгана возил дубленки, меха, я как-то сдуру попросил привезти себе дубленку, совсем крышу сдернуло, не понимал, дурак, что не по рангу, а она – нет, говорит, папа не сможет. С гонором таким, я и сел. Я ее даже домой проводил раза два или три после семинара, поздно было. Мама у нее была хорошая, и не скажешь, что генеральша. Не помню, как звали, не по-нашему как-то. Чаем угощала, приглашала заходить. Думала, я Лялкин хахаль. Я бы не прочь, да рылом не вышел. У меня одна мать, всю жизнь вахтершей в облсовете, да и жили мы в своем доме в Посадовке. Дом! Название одно. Дядька, правда, не последний человек в городе, но до генерала, сам понимаешь, далеко. А у них квартира в обкомовском доме, четыре комнаты, шикарные ковры, как я понимаю, из Афгана, мебель, серебро, вазы всякие. Сабли на ковре над диваном. А ванная! Я аж прибалдел – громадная, как комната, кафель импортный, я такого сроду не видел, розовый с золотом, представляешь? А у нас сортир на огороде. И всякие примочки, шампуни, кремы... И родственники по матери миллионеры, Лялька хвасталась: чуть не князя. Поздно они спохватились! Уже и след затянуло.

Официантка принесла литровые кружки пива. Шибает заметил, как Виктор Павлович ненароком положил руку на оттопыренный задок девушки, а она, не выказав недовольствия, попросту смахнула его руку – так смахивают надоедливую муху – и ушла, покачивая бедрами. Физрук проводил ее взглядом, взял кружку обеими руками и припал. Наступила тишина. В кафе не было ни души. Едва слышно работал телевизор над стойкой бара, с улицы доносились шум моторов и шарканье шагов – кафе находилось в полуподвальном помещении. Красно-синие витражи создавали полумрак и располагали к разговору. Виктор Павлович шумно глотал, дергая кадыком. Шибает пил не торопясь. Витя Адидас допил, икнул деликатно, прикрывшись ладошкой, и поднял на Александра шальные глаза. На лице его было написано полное довольство жизнью, пивом и компанией. Он призывно махнул официантке, и та снова принесла кружки с пивом. Виктор Павлович снова положил ей на зад руку, и снова она смахнула его, не поморщившись.

– Хорошая девчонка, – сказал физрук, поймав взгляд Шибаета. – У нас вроде отношения намечались, но ей замуж надо, а я пас. Только под наркозом! Свобода как осознанная необходимость. Моя как свалила, я, поверишь, три дня не просыхал! А этой ребенок нужен, семья. У меня дружка женился на молодой, на двадцать пять моложе, ребенок, то, се. Мы

на рыбалку, а он с коляской, старый дурак. У нас тут клуб холостяков, Колька Башкирцев по старой памяти у руля, хоть и женат. Знаешь Кольку?

Шибаете знал Николая Башкирцева². Его все знали. Культовая фигура, известный художник-портретист, чьи работы постоянно висели в галерее худфонда.

– И Виталка Щанский у нас! Развелся опять недавно. Ну, шепутной! И умный, зараза! Хулиган! Мы тут недавно в пещеры ходили, знаешь, за городом?

Виталий Щанский был художником, вечным соперником Башкирцева. И его работы тоже висели в галерее. Они то дружили, то скандалили, а однажды подрались – в галерее худфонда во время открытия выставки местных художников. Причем Виталю обозвал Башкирцева бездарным засранцем, что слышала широкая интеллектуальная общественность города. Фоторепортеры не растерялись, заклацали камерами, и назавтра весь город был в курсе. Башкирцев ответил пространной статьей в «Вечерней лошади», суть которой сводилась к классическому «сам дурак» и «а судьи кто?», причем заметно было, что он оскорбился не столько на «засранца», сколько на «бездарного».

Про пещеры Шибаете ничего не знал, но спрашивать не стал.

– Как заведутся с Колькой, мы с копыт! Кольке дышалки не хватает, Виталю его делает на третьем ходу... как сосунка.

Речь Виктора Павловича становилась бессвязной, видимо, «бродили старые дрожжи», как любил говорить адвокат Дрючин, пьянеющий после первой рюмки, но не сдающийся. Шибаете внимал молча, спешить было некуда. Физруку предстояла вторая кружка.

– Меня женщины любят! И всегда... любили, – сообщил Адидас. – И я их... в натуре. Лялька... да я ее заломал прямо у них в подъезде! Молодой, голодный, а она, не поверишь, сама! Сверху кто-то спускался, я офигел, а она вцепилась, притиснулась и... – Он хлопнул по столу кулаком, облизнул пересохшие губы. – А целовалась как! Не поверишь! Девчонки тогда поскромнее были, где она такого набралась?! Я даже застегнуться не успел, только плащ запахнул – какая-то баба с собакой идет. Лялька ей: «Добрый вечер, Рената Владимировна», как сейчас помню, сладким таким голоском, а сама прижимается, у меня аж в глазах... темно!

Виктор Павлович, полный воспоминаний, смотрел на Шибаете круглыми птичьими глазами. Лицо и плешь его побагровели, и стало видно, что волосы у него крашенные. Он весь был там, в полутемном подъезде, с генеральской дочкой...

Шибаете вдруг подумал, что у каждого из них имелась в свое время своя... генеральская дочка, которая вошла в жизни занозой навсегда. Были другие, и до нее, и после, и женились они на других, и разводились с ними, и снова женились, а эта осталась стоять в стороне, на горке, *над!* Единственная.

– Я даже жениться хотел, думал, если я ее трахнул, так вроде и в загс надо, а она только смеялась. Я и на дачу к ней ездил, подрался там с одним салагой, он вообще не при делах, а я сам не свой... Она на моих глазах крутила с Пашкой, был такой у нас в тусовке, Пашка Кухар, козырный, батя... пост занимал. Я их застал в спальне, стою на пороге, офигел весь, а она из-за плеча Пашки смотрит на меня и улыбается, а он, сука, старается! А потом пальчик к губам приложила – тихо! Я их чуть не грохнул! Обоих! Влепил рукой в косяк, ребром, аж в глазах потемнело. Смотри, до сих пор есть знак! – Виктор Павлович протянул Шибаете ладонь, показал шрам. – И думаю, почему я их не убил? До сих пор не понимаю. Я отчаянный был, мне подраться – как два пальца... а тут не смог! Такую она силу надо мной имела, Лялька... И картинка эта всю жизнь перед глазами – он сверху, а она пальчик приложила к

² Николай Башкирцев, Виталий Щанский – художники, персонажи многих романов, в том числе «Лучшие уходят первыми», «Дикие лебеди-3. Как плясунья по канату». Издательство «ЭКСМО».

губам, смотрит на меня, улыбается... И думаешь, не женился бы я на ней после этого? Да я бы за ней на край света! Она одна такая была.

Виктор Павлович приткнулся к кружке. Задергал кадыком. Потные прядки свалились на глаза.

– Батя ее погиб, Лялька переживала очень. Хоронили его у нас на кладбище, там место есть специальное для афганцев. Салют, почетный караул, все честь честью. А мать, говорили, слегла. Перестала всех узнавать, вроде как умом тронулась. Я сунулся с помощью, а Лялька мимо меня смотрит. Я как бобик на задних лапках, и так, и сяк, с подходами, а она смотрит мимо – кончилась любовь. Я и к подружке ее, была такая Ленка Коваль, невидная из себя, говорили, Лялька ее для контраста держала, а она, сучка, морду воротит, смешки строит. Я и следил за Лялькой, и таскался за ней, и на дачу ездил, подглядывал, а только меня больше не звали. Финита ля комедия, как говорят. Даже заревел однажды с горя, не поверишь. Мучился страшно, даже экзема от нервов появилась... Потом прошло, конечно.

Он допил кружку, утерся рукой. Девушка принесла новую порцию. Виктор Павлович был уже хорош и руки держал при себе. Встал на неверные ноги и побрел в туалет. Шибаев задумчиво пил пиво. Физрук вернулся посвежевший – умылся, зачесал мокрые волосы назад. Тяжело плюхнулся на стул. Посмотрел на Шибаева.

– А потом Лялька нашла себе америкоса, забрала документы и – большой привет! Свадила в Штаты. И правильно сделала. Чего тут ловить?

Я бы тебе ее фотку показал, у меня где-то есть, поискать надо. Хочешь, позвони вечером. – Он с надеждой смотрел на Шибаева, не хотел возвращаться из путешествия в прошлое и был рад слушателю. Для физрука ничего не кончилось, для него все еще продолжался короткий ослепительный роман с беспутной Лялькой. – Моя меня потом упрекала, и что я, мол, в ней нашел – переспала со всем институтом, и такая она, сякая, не то что я! Я ее целкой взял, она меня всю жизнь этой целкой тыкала, мол, порядочная, не то что некоторые! Дуры они, ничего не понимают! Приходи, ладно? Поговорим за жизнь. Придешь?

Шибаев сказал, что подумает. Достал из кармана список группы, протянул физруку.

– Ну, вот же она, Ленка Коваль, ближайшая ее подружка, – Виктор Павлович потыкал пальцем в листок. – А вот эти две были тогда на даче – Даша Койдан и Ирка Рудницкая. Дашка толстая, безобидная, хихикала все время. Ирка красивая, но злющая, ядовитая, они с Лялькой вроде как соперницами считались. Был еще качок с физвоса, мой студент, Дрюня Иванов, здоровый и дурной. А подрался я тогда с Денькой Куртовым, он в летном учился. Его брат привел, Стас Куртов, из политеха. Как увидел я Ляльку с Пашкой Кухаром в спальне, так и подрался с Денькой. Ленка Коваль плеснула на нас воды из ведра, а Дашка верещала как резаная. А мы теплые были, он тоже завелся... Вдруг смотрю... твою дивизию! Лялька на веранде! Смотрит на нас, улыбается, как ни в чем не бывало. Тут я этого Деньку чуть не порешил, спасибо, разняли нас. Хотя, он вообще не при делах был...

Шибаев наконец задал свой вопрос, пытаясь столкнуть Виктора Павловича с наезженной колеи.

– Не знаю! – задумался тот. – Вроде Лялька не приезжала. Насчет писем не в курсе. Может, Ленка знает. Или... Подожди! Слушок прошел, что она крутила с завкафедрой, был такой, кликуха Американец, он в Штатах работал несколько лет, весь из себя. Ему уже за сорок было, женат, конечно, дети. Давно на пенсии, если жив. Как же его... подожди... – Физрук потер рукой лоб, уставился в пространство, зачесал пятерней упавшие волосы. – Градов! Ну, да, Градов, Сергей... кажется, Николаевич. Может, она ему писала, у него ж там знакомые, может, он знает чего... и вообще.

Они все там гуляли, костер жгли, прыгали, а я в кустах! Меня уже не звали после той драки. В конце августа, как сейчас помню. Потом сентябрь, начало учебного года, меня с пер-

вым курсом на картошку послали. Вернулся через месяц, надеялся, ждал – а она... фьють! – Виктор Павлович негромко свистнул. – Улетела!

– А Елена Коваль в городе? – спросил Шибаяев.

Виктор Павлович взглянул недоуменно, пожал плечами:

– Может, в городе, может, уехала. Лето!

– Но живет она здесь или выехала?

– Ленка? Здесь! Я ее видел зимой. Той... или этой. – Физрук задумался. – Точно, этой.

Причем живет в том же доме, я ее однажды провожал, думал, буду поближе к Ляльке, Ленка не прочь была... а я не смог! – Виктор Павлович развел руками. – Не смог! Хоть ты убей, не смог! Молодой, дурной...

– Адрес помните?

– Кон-н-ечна! За мостом старый купеческий дом, второй этаж... там спросишь. Никак не снесут. Снегу тогда навалило, а говорят, потепление... это, глобальное, и, главное, никто не чистит. Прямо гражданская война.

Про гражданскую войну Шибаяев не понял, но уточнять не стал. Они помолчали. Потом Виктор Павлович спросил с надеждой:

– Ты как, эта... придешь? Посидим, вмажем... по этому делу. – Он щелкнул пальцами по горлу. – Я фотки найду, а?

Глава 6 Кристина

– Ночевать придешь? – спросил Алик Дрючин в спину Шибаяеву. Тот только рукой махнул. Его ждала Кристина. Александр позвонил, что есть новости и нужно отчитаться. Конечно, Кристина обрадовалась. На старом месте в шесть!

– Буду ждать, – скупно ответил Шибаяев, которому хотелось завопить от счастья. Он чувствовал себя жизнерадостным юным щенком, бегущим к подружке, задрав хвост. Старое место – фонтан с лягушками, которых давно нет, – снесли, поставили музыкальный фонтан. Разноцветные струи взмывают и падают под классическую музыку. А сколько дебатов было: сносить или оставить? Письма общественности, крики в газете, митинги и собрания. Не сосчитать, сколько поколений горожан выросло на лягушках! Большие, зеленые, пучеглазые квакушки, друзья детства, конечно, не шедевр, но такие домашние и родные. Снесли. Доказали, что они не представляют художности, и вообще уродство эпохи урбанизации, и убрали. Поставили новенький, с иголочки, блестящий фонтан, по субботам и воскресеньям включают музыку и подсветку – типовой проект, как у всех. Молодежь встречается у фонтана, Кристина и Шибаяев – у лягушек. Одну из них Шибаяев видел в проходном дворе по соседству – кто-то из жильцов подсутился, спас.

Он засмотрелся на тугие белые струи и пропустил Кристину. Вздрогнул, когда она положила ему на плечо руку. Вскочил, прижал ее к себе, почувствовав сладкий полузабытый запах ее волос. Она осторожно высвободилась, взглянула вопросительно.

– Хочешь ко мне?

Она смотрела ему в глаза, и было в них такое обещание, такая радость, что Шибаяев только сглотнул и кивнул молча. Взял ее за руку, и они пошли. К ней.

Они шли молча, иногда толкая друг друга плечом. Сцепившись пальцами, переплетая и ломая их, как когда-то, сто лет назад... полные нетерпения и ожидания. Они снова сбежали с урока, снова спешили в Марьину рощу, в свое заветное местечко – шатер из веток поваленной ивы, где было зелено, тихо, тайно и немного сыро. Где пахло крапивой, дикой мятой и мокрым речным песком. Старая, с выгоревшим от удара молнии черным нутром, но все еще живая, ива принимала их и прятала надежно. Вот и сейчас они чувствовали себя пятнадцатилетними.

Кристина обреталась в центре, в старинном доме, где когда-то жила советская элита, а теперь кто попало с деньгами. Консьерж поздоровался и проводил их внимательным взглядом. Они поднялись на старинном лифте в проволочной сетке, с массивной металлической дверью. Высокое коридорное эхо сопровождало их всю дорогу. В механизме что-то лязгало и дребезжало, и Шибаяеву казалось, что кабина непременно сорвется вниз и грохнется оземь, рассыпавшись на тысячу кусков.

Они вошли в большой коридор. Захлопнулась дверь, отсекая их от мира. Он притянул Кристину к себе. Они целовались в темноте...

– Подожди... подожди... – бормотала Кристина, уворачиваясь. – Подожди, Ши-Бон! Пошли...

Им не нужно было узнавать друга друга, они помнили все до мельчайших родинок, словечек, жестов. Они вернулись. Говорят, возвращаться не нужно и опасно, но кого это остановило? Время для них повернуло вспять, и они стали беспомощными в его мощном вихре.

– Почему мы разбежались? – спросил Шибаяев, когда они лежали, обнявшись, на громадной кровати в полутемной спальне.

– Не знаю, – ответила Кристина не сразу. – Я тебя любила, Саша... Помнишь, как мы...
– Я все помню. Вы переехали, я даже адреса не знал... Почему?

– Отец бросил маму, мы разменяли квартиру. Мне было так стыдно... я никого не хотела видеть. Отец был красивый, у него вечно приключались какие-то истории, я потом только поняла. А в тот раз он ушел насовсем. Мама очень переживала, я жалела ее и злилась на нее, представляешь? Злилась, что она не могла его удержать! Дура! И на звонки не отвечала, мне казалось, всем есть дело до наших проблем. И еще... – Она запнулась.

Шибает гладил губами ее волосы.

– И еще мне казалось, что ты такой же, что для тебя главное... это самое... Я поняла, что за все платит женщина, понимаешь? Что вы всегда в стороне, а мы всегда проигрываем... Раз я тебе уступила, значит, ты смеешься надо мной. И так себя завела, что... не знаю! А ведь *это* не главное? Да? Ведь можно и без этого?

– Дурочка, – бормотал Шибает, целуя Кристину. – Какая же ты у меня дурочка! Конечно, не главное... конечно, можно. Наверное, можно...

Он целовал ее грудь, живот, колени... Он захватывал в кулак ее белые волосы, впивался в губы, чувствуя ее горячий податливый язык, гладил соски ладонью, как любил когда-то, мальчиком, удивляясь тому, что они твердеют и набухают...

Она взмолилась наконец:

– Ши-Бон, пожалуйста, я сейчас умру!

Им посчастливилось войти в ту же реку еще раз...

Они ужинали на кухне. Кристина, растрепанная, сияющая, в розовом коротком халатике-кимоно, возилась с нехитрой едой. Шибает, сидевший за столом, не сводил с нее глаз.

– У тебя красивая квартира, – заметил он вскользь.

Квартира была огромная. Забитая старинной мебелью, задрапированная старинными выцветшими шелками, с картинами и книгами, с лепниной на потолке – облупившимися смеющимися ангелами с трубами. Облупленность не портила их, наоборот, она придавала им благородную подлинность. В гостиной он увидел портрет Кристины – в венке, в вышитой холщовой рубашке и красных бусах.

– Это работа Игоря, – сказала она, проследив его взгляд. – Он архитектор и художник. Я в мордовском костюме его бабки. Он сейчас в Португалии, я говорила...

– Вы... вместе?

Она пожала плечами, увела взгляд.

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Не знаю. Он там четыре года и позвонил три раза всего – на мой день рождения. И все. – Голос ее прозвучал резко.

Они помолчали, и потом она спросила:

– А ты? Один? Или...

– Не один, – ответил Шибает, желая отвлечь ее от супружеской темы. – Конечно, не один. У меня есть Алик Дрючин и Шпана.

– Шпана? Это... кто?

– Это кот, разбойный здоровенный котяра. Все его боятся.

Кристина рассмеялась:

– И ты?

– И я. Иногда. Когда он не в духе, я стараюсь не попадаться ему под руку, то есть под лапу.

Кристина расхохоталась.

– Алика я помню, такой заморыш в очках. Вы что, подружились?

– Он теперь не заморыш, он адвокат по бракоразводным делам, богатый и уважаемый человек. Так что имей в виду. Сейчас он как раз между разводами.

– А ты тоже между разводами?

– Мы всю жизнь между разводами. И вечно лезем в ту же петлю.

– Ладно! В петлю они лезут! – снова рассмеялась Кристина. Смеялась она охотно, чувствовалось, что опьянела от их близости и от вина – запрокидывала голову, взмахивала волосами, розовый халатик распахивался. Шibaев любовался ею. – А частные сыщики... тоже уважаемые и богатые? – Она лукаво смотрела на него.

Теперь рассмеялся Шibaев. Притянул ее к себе на колени.

– Конечно, богатые! И нарасхват.

– Спасибо, что нашел для меня время!

– Пожалуйста.

– Игорь... он совсем другой... – вдруг сказала Кристина. – Совсем! И семья другая. Мы же все были одинаковые, это сейчас у некоторых людей большие деньги, а тогда все одинаковые. У меня мама врач, отец – инженер, одевались одинаково, ели как все, а они были другие. Он меня заваливал цветами, рисовал, дарил альбомы, я в них ничего не понимала, какой-то абстракционизм... Мы же все, что не так, называли абстракционизмом. Оказывается, есть десятки течений. А я в торговом техникуме училась... Он говорил, что я Сольвейг, а я ни сном ни духом, кто она такая. И отца его боялась, Леонида Стояновича, ему уже под семьдесят было, Игорь у них поздно родился. Мама умерла, и они жили вдвоем. Как увидела я их квартиру, прямо дух захватило – дворец! Одни потолки под четыре метра, паркет дубовый, с узорами. А окна! И вид на парк. Картин полно по стенам, чертежей. Отец тоже был архитектор, и дед! Архитекторы и художники. Леонид Стоянович поцеловал мне руку, а я чуть со стыда не сгорела, не знала, что говорить, куда сесть. Он мне потом стал книги подкладывать, деликатно так, говорил, почитайте, Кристиночка, вам будет интересно. Как сейчас помню, первая была «Муки и радости» про Микеланджело.

Она смотрела мимо Шibaева, улыбалась растроганно.

– А жили они просто. У нас, знаешь, как было: есть деньги – сразу что-нибудь вкусное к столу. У мамы премия – тут же торт, конфеты, копченая колбаса или рыба. А у них были деньги, а ели они овсянку! Я думала, овсянку едят от бедности, а такие, как они, должны есть икру и всякие деликатесы.

Она покачала головой, словно удивляясь своей тогдашней наивности.

– Мы хорошо жили. А потом отец Игоря умер – у него был рак, а мы не знали. Он не хотел лечиться, Игорь просил и плакал, я тоже – а он ни в какую! Говорит: «Я так долго жил и так много видел, все уже было, пора...» И мне тихонько: «Вы, деточка, Игоря не бросайте!» Читать уже не мог, лежал, музыку слушал, свою любимую «Оду к радости» Бетховена и Моцарта. Целыми днями. Там тема одна, называется «Эльвира Мадиган», такая мелодия, плакать хочется. Я и сейчас, как услышу, слезы наворачиваются...

Кристина замолчала. Уткнулась лицом в его плечо, и он вдруг почувствовал, что она плачет. Он молчал, понимая, что ей нужно выговориться. Обнимал ее, чувствуя под скользким шелком теплое живое тело.

– Потом Игорь хотел открыть свое дело, его семью знали в городе, заказчики звонили. Был тут один, пообещал поддержку, не вылезал от нас, в друзьях ходил – все сидели они за полночь, планы строили. Он и деньги достал под залог квартиры. А потом кинул нас, а Игорь как ребенок, и, главное, я говорила ему, а он не слушал, сам все знает! Ну, и прогорели мы в итоге, а деньги возвращать надо! Или квартиру отдавать. Покупатели косяком пошли, мы уже присматривать себе однокомнатную начали. А потом меня как толкнуло что-то: картины! Ведь можно продать картины! У них же не только по стенам, а и в ящиках полно – чертежи, рисунки в папках, ничего не разобрано. Мне Леонид Стоянович показывал коллекцию

эскизов, рассказывал, я запомнила: студия ар-деко Александры Экстер в Киеве; театральные художники – Петрицкий, Вадим Меллер, экспрессивный конструктивизм, кубофутуризм; театр «Березиль», декорации, сценические костюмы, все такое. Для меня это было как филькина грамота, но в памяти застряло. Говорил, им цены нет, наследство от тетки, актрисы этого самого театра «Березиль». Особенно мне нравились наброски Меллера Нижинского для «Ассирийских танцев»...

Ну, порылась я в Интернете, нашла, почитала! И пошла потихоньку к знающему человеку, расспросила его. Оказывается, можно это продать за хорошие деньги. Я к Игорю, а он ни в какую! «Как ты можешь!» – кричит. Квартиру отдать можно, а «духовное наследие», видите ли, нельзя! А куда его девать в однокомнатной? И он ушел из дома. Вернулся утром, грязный, избитый, пьяный. Я чуть с ума не сошла, кричу, что случилось? Оказывается, на пешеходном мосту через реку на него напали и ограбили. Спрашиваю, как ты там оказался – молчит. И я поняла, что он пошел туда с моста бросаться! Он однажды сказал, что самый удачный способ самоубийства – броситься с моста. Летишь вниз и знаешь, что ничего уже нельзя изменить. У него вообще шутки странноватые были, до меня не всегда доходили. И все с таким серьезным видом, а я – дура душой! И сразу моя жалость к нему прошла, как рукой сняло. Я барахтаюсь, а он руки на себя накладывает! Пусть лучше подохнем, а торговать наследием предков он не будет. Все на моих плечах, устранился. Больше мы об этом не заговаривали, он не протестовал, молчал. Ну, и продала я эти рисунки. Даже с какой-то радостью – вот тебе! Отбились от бывшего друга. Он очень удивился, не ожидал, что мы найдем деньги, уже эту квартиру на себя примерял. Сволочь! Известный человек, весь на виду теперь...

А с Игорем у нас все с тех пор пошло наперекосяк. Он перешел спать на диван, мы и разговаривать перестали. Дверь в кабинет закрыл, не заходит, как будто алтарь осквернили. Я осквернила! Меня такое зло взяло! Бросил на меня свои проблемы, я их разгребла, как могла, он ведь не протестовал, он же знал! А теперь не может на меня смотреть. Чистоплюй! И я поняла еще раз – все держится на женщинах! Все они вытягивают на своих плечах, у них выбора нет. В одиночку. Ему все легко доставалось – талант, хорошая семья, ему никогда не приходилось выбирать, все за него решали. Бороться он не умел. То ли дело с моста...

Кристина так увлеклась, что стала колотить Шibaева кулачком по плечу.

– Слабак и трус! Я с утра на работу, а он дома на диване. И музыку отцов скупно гоняет. Я даже не знала, что он работу за границей ищет. Нашел в Португалии, оформил паспорт и лишь тогда сказал. Как гром с ясного неба. Я только и спросила: а как же я? Он плечами пожал, в глаза не смотрит. Ну, достаю я чемодан, вещи его, чуть не реву, но держусь, гордость не позволяет, а он говорит, не нужно! Я налегке. – Кристина смотрит на Шibaева, в глазах закипают скорые слезы. – Понимаешь, он ничего не хотел брать из старой жизни! И меня как стукнуло – меня он тоже не хочет! А я, идиотка, надеялась! Он на диване целый год спит, а я все надеюсь, вспоминаю, как он меня цветами заваливал и на любом клочке рисовал, даже на салфетке в ресторане! Не нужна. Не простил. Слабак, а прощать не умеет. Не нужна я, там новую найдет. И в аэропорт не позволил ехать, сказал, не люблю, когда провожают. Позвонил уже оттуда, что долетел нормально, устраивается, будет звонить, а телефон свой не дал. И все. Позвонил еще три раза – всего три раза – на мои дни рождения, да лучше б вовсе не звонил... И за все время не прислал ни копейки! А тут одна квартира... знаешь, сколько коммуналка теперь стоит? А одеться?

Наступило молчание. Шibaев гладил Кристину по спине, не зная, что сказать. Да и что скажешь? Он догадался, что она продает картины, жить-то надо! И это ее мучает, и ее жалобы на мужа – просто попытки оправдаться.

Ему вспомнилось, как Инга³ однажды назвала Кристину принцессой. Она сказала: «Я таскалась за вами следом, подыхая от ревности, а вы шли, никого вокруг не видели, держались за руки и целовались. Она была такая красивая, я называла ее принцесса Кристина». Она спросила, что стало с Кристиной, и Шibaев придумал, что принцесса растолстела и у нее трое детей. «Неужели трое?» – не поверила Инга, заглядывая ему в глаза и пытаясь понять, не шутит ли.

Принцесса Кристина сидела у Шibaева на коленях и плакала о своей загубленной жизни. Выплакивала обиды на мужа и судьбу. А он думал об Инге. Инга, любовь моя... Он помнит, как они встретились – столкнулись случайно, и он не узнал в красивой сероглазой женщине малышку с большими бантами, которую помнил смутно. Помнит, как она пришла к нему... в своем платье в белые цветы... готовила завтрак на его кухне... Помнит их последнюю встречу в Нью-Йорке, когда она бросилась к чужому мужчине, словно искала спасения от него.

Они оба, Кристина и Шibaев, жили в прошлом, каждый в своем, и оно для них не закончилось и не отболело. Они готовы были броситься в него как в омут головой, прекрасно зная, что добром это, скорее всего, не кончится. Ну и пусть!

И при всем этом они любили друг друга! Возможно, это не любовь, а нечто другое – доверие, близость, радость возвращения, тоска и ностальгия по детству. Плюскамперфект. Давно прошедшее время. Или все-таки любовь? Какая-то из ее разновидностей. Одна и та же река со светлыми обманчивыми водами...

– Я его ненавижу! – горячо произнесла Кристина, и Шibaев подумал, что она говорит о муже, но ошибся. – Как таких земля носит? Сейчас отовсюду полезла такая мерзость и подлость, предают, продают, убивают... Когда Игорь уехал, он ко мне подкатывался как ни в чем не бывало, представляешь? Звонить стал, я сначала относилась к этому спокойно, а однажды не выдержала и закричала: «Чтоб ты сдох, подонок! Ненавижу!» И еще разное кричала, сама не своя была, даже испугалась, и он отстал, не звонит больше.

Кристина замолчала, только дышала влажно ему в шею. Потом сказала:

– Сашенька, не обижайся! Я никому никогда... понимаешь? А ты родной, я тебе все могу сказать, как будто мы снова школьники, да? Если бы ты только знал, как я тебя любила!

Он чувствовал так же. «Как будто мы снова школьники...»

Они целовались. Кристина всхлипывала и смеялась, сидя на коленях у Шibaева, болтала ногами, сбросила расшитые бисером шлепанцы, обнимала и обвинялась вокруг него, покусывала за мочку уха. Кончилось тем, что Шibaев поднялся с Кристиной на руках, отшвырнул попавший под ноги шлепанец и стремительно вылетел из кухни...

– Забыла тебе сказать!

Они снова сидели на кухне, пили кофе. Кристина еще более растрепанная, в розовом халатике-кимоно, босая. С шальными глазами и яркими малиновыми пятнами на скулах.

– Забыла тебе сказать, приходил мой сосед по даче, отставник, склочник страшный, требует, чтобы я прекратила «самодеятельность по скелету». Мол, кому надо, этим занимаются, и нечего всяким сомнительным личностям соваться и порочить память генерала Савенко. Пригрозил, что натравит Совет ветеранов. Я ему говорю, при чем тут ваш генерал, я хочу знать, кто эта женщина, я хочу похоронить ее, раз уж так получилось, раз уж такое выпало мне счастье. При чем тут ваш генерал? Это мой участок, в конце концов, что хочу, то и делаю. И узнал же, проныра! Видел бы ты его собаку! Ужас!

³ История любви Инги и Шibaева в романах Инны Бачинской «Магия имени» и «Голос ангельских губ». Издательство «Эксмо».

– Я был у него, – сказал Шibaев. – Он мне тоже пригрозил. И собака... была недовольна. А жена...

– Я знаю ее! – перебила Кристина. – Славная такая, всегда здороваётся первой, всегда скажет что-нибудь приятное. Зоя Владимировна...

– Славная, – согласился Шibaев. – Рассказала, что у генерала была подруга, женщина в белом платье и белых туфельках, она их видела вместе однажды на даче.

– И отставник об этом, конечно, знает! Вот почему он орал про осквернение памяти!

– Возможно.

– Ты думаешь, это... она? – Кристина смотрела на Шibaева испуганными глазами.

Он невольно рассмеялся.

– Ничего я не думаю. Рано еще думать.

– Собираешь оперативную информацию? – догадалась Кристина.

– Любишь детективы читать? – спросил он вместо ответа.

– Люблю! А что? Только твоего Чейза не люблю, там всегда плохо кончается.

– А ты любишь детективы с хорошим концом? Всех убили, но убийц нашли, и все поженились, да?

– Да! А что ты теперь будешь делать?

– Для начала я засыпал яму. С помощью соседа Миши.

– Мишка? Смешной тип, вечно подглядывает за мной! – рассмеялась Кристина. – И никогда не знаешь, куда он смотрит в своих линзах. Спасибо!

– Я бы на его месте тоже подглядывал. Теперь нужно купить какие-нибудь кусты и...

– Я боюсь! Вдруг что-нибудь еще вылезет!

– Не вылезет. Мы с Мишей посадим.

– Я все равно там жить не смогу. Никогда. А что ты еще узнал?

– Попытался найти кого-нибудь из семьи генерала.

– Зачем?

– На всякий случай.

– Нашел?

– Нет. Никого уже нет. Единственная дочь генерала Людмила эмигрировала в Америку. В восемьдесят четвертом Савенко убили в Афганистане, жена его слегла и спустя год умерла, а дочка Ляля в восемьдесят шестом вышла замуж за американца и уехала. Остался один подполковник Якубов, который требует прекратить самодеятельность. А дело по захоронению неизвестной женщины уже закрыли. Возможно, с подачи твоего соседа Якубова и Совета ветеранов. Если ты сейчас скажешь, что хватит, ставим точку, я пойму. Ее похоронят под номером и...

– Перестань! – закричала Кристина, зажимая уши. – Я уснуть не могу, все время думаю о ней. Бедная! И главное, мы там с шашлыками прыгали, представляешь?

Глава 7

Прошлое. Его сладость и горечь

– Деда, к телефону! – закричал детский голос в ответ на просьбу Шibaева попросить Сергея Николаевича Градова. Через минуту тот же голос сообщил в трубку: – Сейчас! Уже идет!

– Да? – спросили благодушно, барственно. – С кем имею честь?

– Сергей Николаевич? Добрый день. Меня зовут Шibaев, я представляю частное детективное агентство...

– Частный детектив? – удивился собеседник. – Настоящий? А чем занимается ваше агентство?

– Разным. Возвратом долгов, например. Охраной, проверкой фирм, поисками пропавших...

– Поразительно! Я только сегодня закончил читать детективный роман Росса Макдональда «Прощальный взгляд». Не читали? Какое замечательное совпадение. Чем могу помочь... как вас по-батюшке?

– Можно Александр. Мы не могли бы поговорить?

– Конечно! А о чем? Чем могу, так сказать?

– Я не хотел бы по телефону...

– Понимаю... – задумался Градов. – То есть не очень. Ну, да все равно! Вы меня заинтриговали, молодой человек! Записывайте адрес, жду с нетерпением.

Сергей Николаевич открыл дверь, окинул Шibaева скорым взглядом и посторонился, пропуская. Высокий сухопарый... язык не повернулся бы назвать его стариком, хотя было ему, как прикинул Шibaев, около семидесяти. Любопытство к гостю явно читалось на его лице – светлые глаза пристально смотрели сквозь затемненные линзы массивных очков. Он протянул Шibaеву крупную руку в коричневых пятнах, крепко сжал его ладонь. Указал на кресло, поместился сам на громадном диване напротив. Забросил ногу на ногу. Взглянул выжидательно.

Когда-то он, несомненно, был красив – большой жизнерадостный человек с голубыми глазами и обаятельной улыбкой. Все еще вьющиеся, хоть и поредевшие рыжеватые-седые волосы, коричневые пятна на большом лбу, жилистая шея – все метки подлого времени на месте, и все же... все же! Он и сейчас хоть куда! Возраст не согнул его, держался профессор прямо, разворот плеч впечатлял; он даже одет как молодой человек – потертые джинсы и черная футболка с закатанными рукавами. На журнальном столике лежит кверху обложкой книга на английском языке.

– Росс Макдональд, – сказал он, проследив взгляд Шibaева. – Мой любимый автор. Читали?

– Не читал.

– Рекомендую! Семейный детектив, скелеты в шкафу, старые преступления... Одним словом, ничего не проходит бесследно, и за все нужно платить. Я бы сказал, что это понимаешь в большей степени в моем возрасте, а вам по молодости, думаю, нравятся другие авторы – больше секса, больше крутизны... Его герой – частный сыщик по имени Лью Арчер – вечно попадает в переделки. А вот интересно... – Он, прищурясь, взглянул на Шibaева. – Этого парня все время бьют. Правда, и он не остается в долгу. Молотят будто на ринге, он вечно в синяках, со сломанными ребрами, шишками и огнестрельными ранами, но свеж и бодр как огурец, снова лезет в петлю и при этом не дурак выпить. Разумеется, виски. А

вы, Саша, часто деретесь по роду службы? – Он с удовольствием рассматривал Шibaева живыми выцветшими глазами.

– Бывает, – сказал скромно тот.

– Бьют? Или вы их?

– По-всякому.

Они помолчали. Потом профессор спросил:

– Ну-с, так чем же я обязан? Долгов у меня нет, охрана не нужна...

– Я ищу информацию о вашей бывшей студентке Людмиле Савенко. Она закончила три курса иняза, а потом...

Улыбка сползла с лица профессора, и оно словно отяжелело. Шibaев ждал. Профессор молчал, не глядя на него. Потом сказал:

– Ляля Савенко закончила два курса, после чего забрала документы. На третьем она уже не училась.

Игривого тона как не бывало. Шibaеву показалось, что профессор сразу сдал, сдулся, как надувной шарик. Уставший старик сидел напротив Шibaева, глядя в пол, положив на колени костлявые руки с узловатыми пальцами и плоскими ногтями. И молчал, словно забыл о госте.

– Говорят, она уехала в Америку, – напомнил о себе Шibaев.

Профессор поднял на него глаза.

– Позвольте спросить, зачем вам это? Кто ее ищет? Столько времени прошло...

– Сергей Николаевич, поймите меня правильно, я не могу сказать вам всего...

Шibaев не решился соврать Градову, да и не поверил бы старик сказке о грузинских родственниках – в чем в чем, а в детективных историях он, похоже, разбирается.

– Загадки, – кивнул профессор. – Неужели в мире еще остались загадки? А от меня вы чего хотите?

– Возможно, вам известно что-нибудь о ней, возможно, у вас есть ее адрес или телефон. Меня интересует также, приезжала ли она из Америки. Кто ее муж? Вы его знали? Говорят, вы работали в Америке...

– Говорят правильно. Работал когда-то. В нашей торговой миссии в Нью-Йорке. На все вопросы могу ответить только одно: мне ничего не известно! Ничего! Адреса Ляли у меня нет и никогда не было. С мужем ее я знаком не был. Не удостоился. Если она и приезжала, то я об этом ровным счетом ничего не знаю. Никогда ее с тех пор не видел.

Шibaеву показалось, что в голосе профессора прозвучала обида. Двадцать пять лет пролетели, а обида осталась.

– Бросить институт – серьезный шаг, это сейчас Америка рядом, а тогда... – осторожно заметил он.

– До начала учебного года я ничего не знал. Она даже не попрощалась. Я узнал постфактум, так сказать. Вызвал к себе ее подругу, помню, Леной звали, из той же группы, говорю, как же так? Почему меня не поставили в известность? А она отвечает, все решилось очень быстро, буквально за несколько дней, безумная любовь, сами понимаете. А кто он такой? – спрашиваю. Откуда здесь взялся американец этот? Она отвечает, что сама толком ничего не знает, не видела, ученый какой-то, эколог, кажется. Приехал в страну на месяц, случайно попал в наш город... Помню, девочка не особенно умная была, из простой семьи, училась плохо. Манеры... тоже. Ничего толком не смогла объяснить. Заезжий американец! Не то эколог, не то неизвестно кто! Зброшен к нам по воле рока...

– Что она за человек?

– Ляля... Ляля была блестящей студенткой! – Он даже имя ее произносил с придыханием. – С характером. Умная, насмешливая, дерзкая. Знаете, такое удачное сочетание – гру-

зинская и славянская кровь. Красивая, цыганского типа, танцевала прекрасно. Причем старые танцы, танго, вальсы. Так что я не удивляюсь этому американцу...

Шибает не спросил, откуда профессору известно про танцы. Танго и вальсы были из его времени, его поколение умело их танцевать. И он представил их обоих – девушку с цыганской внешностью и красавца-профессора, они кружатся, глядя друг другу в глаза. То, как Градов произнес ее имя, многое сказало Шибаету. И связывало их больше, чем просто отношения профессора и студентки. Похоже, физрук не ошибался...

– Ее недолго любили преподаватели, да и студенты. Но мы с ней находили общий язык. – Профессор снова замолчал. Сидел, рассматривал свои руки. Казалось, он забыл о Шибаете.

Александр тоже молчал. Вопросов у него больше не имелось. Самое главное он узнал. А что там было между ними... Как говорит Алик – пусть прошлое хоронит своих мертвецов. «А жизнь прошла», – невольно подумал он, испытывая неловкость человека, подсмотревшего в замочную скважину чужую тайну.

– Мама у нее грузинка была, родственники за границей. Ляля рассказывала – в Аргентине, кажется. Не помню точно. Неужели... оттуда?

– Нет.

– Отца помню – бравый, молодецватый...

Профессор смотрел мимо Шибаета. Тот кашлянул, напоминая о себе.

– Может, чай? Или кофе? – спохватился Градов. Ему не хотелось отпускать гостя. Шибает вернул его в прошлое, и он снова на короткий миг превратился в молодого сильного и остроумного человека, популярного профессора с молодежными замашками и молодежной внешностью, любимца студентов, за которым бегали стайки влюбленных девочек.

Прощаясь, они обменялись рукопожатием. Профессор хотел о чем-то спросить – Шибает видел, что он колеблется, не выпуская его руки. Но так и не решился, только попросил не забывать старика и в случае чего звонить – номер телефона имеется...

Сбегая по лестнице, Шибает вспомнил, как живчик-физрук просил его зайти вечером, обещал найти фотографии тех лет. Обоим – Виктору Павловичу и профессору Градову – хотелось вернуться в прошлое, вспомнить, потрогать его руками и поделиться.

И Шибает подумал вдруг, что он тоже хочет вернуться. Ему казалось, что Инга ждет его где-то там, за поворотом: протяни руку – и дотронешься, еще заметен след. И над сверкающим Магистерским озером все так же пикируют синие тонкие, как маленькие веретеница, стрекозы, шелестит под ветром осока и плещет хвостом неторопливая рыба. Только их там нет и уже не будет никогда. Ни Шибаета, ни Инги...

И школьная подружка Кристина вся в прошлом, сводит счеты с беглым мужем и доказывает ему, что он слабак и ничтожество...

Такой расклад выпал им всем. Прошлое цепко держит их жесткими сильными пальцами и тащит назад. Вот только зачем?

Лишь адвокат Алик Дрючин раз и навсегда отодрал от себя цепкие пальцы прошлого и живет припеваючи настоящим, сделав своим девизом бессмертное «carpe diem!»⁴ Пытался научить этой премудрости друга, но, увы, провалился. Не хотел Шибает учиться. А может, не мог – не всем дано...

⁴ Carpe diem (лат.) – фраза из поэмы Горация, переводится как: лови момент (день)!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.